№ 175383.

ЛЕКЦІИ И РЕФЕРАТЫ
по вопросамъ программы и тактики соціаль-демократіи.

Вып. XII.

П. Юшкевичъ.

Теорія и практика синдикализма.

Цѣна 20 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова. Лиговская, д. № 34.
1907.

HD
5477

ЛЕКЦІИ И РЕФЕРАТЫ
по вопросамъ программы и тактики соціаль-демократіи.

Вып. XII.

П. Юшкевичъ.

Теорія и практика синдикализма.

Цѣна 20 коп.

БИБЛІОТЕКА
[illegible]

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова. Лиговская, д. № 34.
1907.

17924.

Теорія и практика синдикализма.

Уже изъ самаго названія «синдикализмъ», происходящаго отъ французскаго слова «syndicat»,—синдикатъ, профессіональный союзъ,—видно, что въ синдикализмѣ мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ, выросшимъ на французской почвѣ. И дѣйствительно, синдикализмъ это прежде всего очень опредѣленная и яркая форма французскаго рабочаго движенія. Но за послѣдніе годы синдикалистскія идеи нашли себѣ прибѣжище и въ итальянскомъ соціалистическомъ движеніи. Подъ ихъ же вліяніемъ находятся нѣкоторые—весьма немногочисленные, впрочемъ—нѣмецкіе профессіональные союзы, такъ называемые «локалистскіе» союзы. Слабые признаки синдикалистскаго движенія замѣчаются въ Бельгіи и Швеціи. Наконецъ, ученіе синдикализма проникло и къ намъ, въ Россію.

Синдикализмъ, такимъ образомъ, пріобрѣлъ интернаціональный характеръ, сталъ силой интернаціональнаго значенія. Но вмѣстѣ съ ростомъ синдикализма, съ ростомъ его вліянія, вокругъ этого—первоначально чисто практическаго, не задумывавшагося ни надъ какими теоріями, движенія французскаго пролетаріата—начала образовываться цѣлая и довольно сложная система взглядовъ. Рядъ писателей—французскихъ, итальянскихъ, нѣмецкихъ, русскихъ—стали строить и развивать *теорію* синдикализма, теорію, которая, по ихъ мнѣнію, должна замѣнить устарѣвшее и ложное по существу

ученіе соціалъ-демократіи. Между взглядами, которые развиваютъ эти писатели, часто существуютъ довольно значительныя различія; въ синдикалистскомъ ученіи можно было бы указать два, и даже болѣе, направленія мысли, но эти различія отступаютъ на задній планъ передъ тѣмъ общимъ, что имѣется у всѣхъ теоретиковъ синдикализма,—въ частности передъ ихъ общей враждой къ соціалъ-демократіи, или, какъ они выражаются, къ парламентскому, политическому, соціализму. Борьба съ соціалъ-демократическими теоріями играетъ такую видную роль въ писаніяхъ синдикалистовъ, что въ извѣстномъ смыслѣ можно синдикализмъ назвать анти-соціалъ-демократіей: каждому соціалъ-демократическому ученію—конечно, въ томъ видѣ, въ какомъ понимаютъ его синдикалисты—они противоставляютъ свое собственное, противоположное. «Вы государственники, говорятъ соціалъ-демократамъ синдикалисты, мы — антигосударственники; вы за парламентскую работу, мы отрицаемъ ее; вы за посредническую дѣятельность депутатовъ и иныхъ выборныхъ лицъ, мы за непосредственное, прямое дѣйствіе самихъ рабочихъ массъ; вы стоите на точкѣ зрѣнія партіи, мы—на точкѣ зрѣнія класса; вашъ соціализмъ интеллигентскій и политическій, нашъ—рабочій и экономическій, синдикалистскій; вы собственно даже не соціалисты, а крайніе демократы, мы—настоящіе соціалисты; вы стоите на точкѣ зрѣнія отечества и патріоты, мы — антипатріоты; вы централисты, мы—федералисты» и т. д., и т. д.

Въ предлагаемомъ очеркѣ мы разберемъ, имѣютъ-ли серьезное значеніе эти противоставленія, и, если имѣютъ, то кто правъ: старая ли испытанная, соціалъ-демократическая теорія, или новѣйшая школа съ ея стремленіемъ ставить вездѣ «нѣтъ» на мѣсто прежнихъ «да»?

I.

Историческая теорія синдикализма: ея идеализмъ и дуализмъ.

Сначала нѣсколько выписокъ.

«Въ послѣднее время, пишетъ итальянскій синдикалистъ Лабріола, нѣкоторые соціалисты усиленно старались придать матеріалистическому пониманію исторіи консервативный характеръ», а именно, ими «отрицается всякое преднамѣренное и сознательное воздѣйствіе на общественную организацію и, поэтому, признается излишнимъ энергическое противодѣйствіе реакціоннымъ попыткамъ другихъ классовъ и консервативныхъ партій» («Реформизмъ и синдикализмъ», с. 7 и 8).

«Историческій матеріализмъ, читаемъ мы у другого итальянскаго теоретика, изуродованный традиціоннымъ соціализмомъ (т. е. соціалъ-демократіей) для избирательныхъ и политическихъ цѣлей, не исключаетъ—какъ это доказываетъ Сорель—ни человѣческой воли, ни конъюнктуры случайныхъ обстоятельствъ при опредѣленіи процесса общественной жизни... Историческій матеріализмъ—если только правильно его понять—ни въ коемъ случаѣ не приводитъ къ слѣпой и невольной фатальности общественнаго процесса» (Энрико Леоне, «Синдикализмъ», с. 31).

«Рядомъ съ *необходимымъ* развитіемъ капитализма существуетъ (сознательное) *волевое* развитіе пролетаріата. Соціализмъ не будетъ осуществленъ автоматически ни экономической эволюціей, ни доктринальными предсказаніями: онъ будетъ дѣломъ *пролетарской воли*, закаленной въ пылающемъ огнѣ борьбы. Марксъ постоянно противоставлялъ *фатальности* капитализма *свободу* пролетаріата» (Лагорделль, въ „Mouvement Socialiste“, Octobre 1906, с. 11).

Что говорятъ эти три выписки, къ которымъ можно было бы присоединить множество другихъ совершенно

подобныхъ? Онѣ содержатъ въ себѣ обвиненія, будто соціалъ-демократія, исказивъ ученіе Маркса, стала *фаталистически* понимать процессъ освобожденія рабочаго класса, т. е. стала думать, что соціалистическій строй народится самъ собой, придетъ автоматически, безъ всякаго усилія со стороны заинтересованнаго въ немъ пролетаріата. Чудовищность и нелѣпость этого обвиненія бьетъ прямо въ глаза. Соціалъ-демократія фаталистична! Но зачѣмъ ей тогда избирательная борьба, зачѣмъ участіе въ политической жизни страны, зачѣмъ непрестанная агитація, устная и письменная, агитація, пытающаяся растормошить и разбудить даже самые отсталые слои пролетаріата, зачѣмъ демонстраціи и политическая революція, зачѣмъ, наконецъ, существованіе самой соціалъ-демократической партіи, разъ исторія дѣлается безъ участія людей и ихъ сознательной воли? Очевидно, когда синдикалисты бросаютъ соціалъ-демократіи упрекъ въ фатализмѣ, у нихъ имѣется другой умыселъ. И умыселъ этотъ намъ не трудно понять, если вспомнить, что подобныя же обвиненія въ фатализмѣ раздавались лѣтъ 10—12 назадъ по адресу русскихъ соціалъ-демократовъ со стороны отцовъ теперешнихъ соціалистовъ-революціонеровъ, народниковъ (да и теперь иногда соціалисты-революціонеры въ борьбѣ съ соціалъ-демократами вытаскиваютъ это заржавѣвшее оружіе). Соціалъ-демократы указывали тогда, что Россія безповоротно ступила на путь капиталистическаго развитія; они говорили, что этому факту нужно покориться, но покориться, конечно, не сложивъ руки, а использовавъ всѣ представляемыя капитализмомъ огромныя возможности: организацію пролетаріата и пр. Народникамъ же все это представлялось въ видѣ безсильнаго, пассивнаго подчиненія ходу исторіи; противъ этого «фатализма» они взывали къ «критически мыслящей личности», т. е. попросту къ революціонной интеллигенціи, которая, казалось имъ, все можетъ, въ томъ числѣ и повернуть колесо исторіи, избавивъ Россію отъ мукъ капитализма и отъ пролетаріата.

Своего рода всемогущество, которымъ народники надѣляли революціонную интеллигенцію, за много десятковъ лѣтъ до того утопическіе соціалисты приписывали просто отдѣльнымъ крупнымъ личностямъ; инымъ изъ утопистовъ казалось, напримѣръ, что, если бы какой-нибудь мудрый правитель усвоилъ ихъ взгляды, то общество легко и безболѣзненно перешло бы къ лучшему строю и разомъ было бы избавлено отъ всѣхъ раздирающихъ его теперь противорѣчій и несовершенствъ.

Противъ этого наивнаго пониманія историческаго процесса Марксъ и выставилъ понятіе *историческаго закона*, исторической закономѣрности. Ни отдѣльная личность - какъ бы значительна она ни была—ни опредѣленная общественная группа, ни даже цѣлый общественный классъ, не «могутъ всего», т. е. неспособны по своему исключительному произволу направлять судьбы исторіи. Они могутъ кое-что, а подчасъ даже и очень много, но всегда въ рамкахъ и границахъ, которыя имъ ставятся всей совокупностью общественнаго процесса. Исторія развивается въ борьбѣ классовъ, такъ учитъ теорія соціализма; нельзя поэтому умалять значенія воли какого-нибудь класса, сознавшаго свои цѣли и задачи. Но нельзя и преувеличивать значенія этой *субъективной*, *идеальной* силы въ ущербъ значенію *объективныхъ*, *матеріальныхъ* условій развитія. Для правильной оцѣнки вещей надо избѣгать какъ фатализма, съ одной стороны, такъ утопизма и идеализма—съ другой.

Теперь мы можемъ понять позицію синдикалистовъ въ этомъ вопросѣ. Они обращаются къ Марксу (противъ марксистовъ) для того, чтобы авторитетомъ его имени прикрыть свое по существу *идеалистическое* пониманіе исторіи. Какъ и утописты, какъ и наши народники, синдикалисты, въ концѣ концовъ, идеалисты: но только въ то время, какъ утописты надѣляли историческимъ всемогуществомъ отдѣльную личность, а народники—революціонную интеллигенцію, синдикалисты надѣляютъ имъ революціонный пролетаріатъ.

Поэтому они такъ много говорятъ о сознательной волѣ пролетаріата, о его—пользуясь выраженіемъ Лагорделя—свободѣ въ противоположность фатальности капитализма. Марксъ, конечно, никогда не призналъ бы такой безусловной свободы пролетаріата. Пролетаріатъ дѣйствуетъ не въ безвоздушномъ пространствѣ. Окружающая его общественная среда далеко не является податливой мягкой массой, изъ которой онъ можетъ лѣпить, что ему угодно. Петербургскій пролетаріатъ, рѣшившій въ ноябрѣ 1905 года ввести захватнымъ порядкомъ восьмичасовой рабочій день, тоже считалъ себя безусловно свободнымъ творцомъ исторіи. Но суровый полученный имъ урокъ долженъ былъ научить его соразмѣрять свою «свободу» съ «фатальностью» капитализма и, разумѣется, всего историческаго развитія.

Синдикализмъ идеалистиченъ. Для него въ дѣлѣ освобожденія рабочаго класса рѣшающее значеніе имѣетъ то, что думаетъ и желаетъ пролетаріатъ, его революціонное настроеніе, его боевая готовность. Марксизмъ же—не отрицая огромной роли воли и сознанія пролетаріата—признаетъ ее не единственной и даже не самой важной силой общественнаго развитія. Мы знаемъ, что въ разныхъ странахъ пролетаріатъ мыслитъ и желаетъ по разному: англійскій пролетаріатъ въ опредѣленный историческій моментъ ставитъ себѣ иныя задачи и рѣшаетъ ихъ по иному, чѣмъ французскій; французскій опять таки иначе, чѣмъ нѣмецкій, и т. д. Но даже въ одной и той же странѣ рабочій классъ въ различные моменты своего развитія переживаетъ смѣну самыхъ разнообразныхъ идей и желаній. Такъ, напримѣръ, французскій пролетаріатъ, революціонный въ 1848 г., послѣ іюньскаго пораженія на долгіе годы утрачиваетъ революціонность настроенія и почти цѣликомъ уходитъ въ профессіональную работу умѣреннаго направленія; въ 1871 г. въ Коммунѣ онъ снова обнаруживаетъ свою революціонную непримиримость, но за подавленіемъ коммуны опять начинается полоса умѣренности и упадка духа, кончающаяся лишь черезъ

десять лѣтъ съ образованіемъ французской рабочей (соціалистической) партіи и т. д., и т. д.

Если бы мы исходили изъ этихъ смѣняющихъ другъ друга и различныхъ въ разныхъ странахъ настроеній пролетаріата, то мы не могли бы даже высказаться за неизбѣжность соціалистическаго строя, мы не могли бы даже называть себя соціалистами. Но дѣло именно въ томъ, что соціализмъ и наступленіе его не зависятъ *только* отъ воли и сознанія пролетаріата. Есть сила, стоящая выше этихъ желаній или нежеланій рабочаго класса; эта сила, отъ которой въ конечномъ счетѣ зависитъ и столь капризная, повидимому, смѣна настроеній пролетаріата, есть ходъ всего общественнаго развитія, та *фатальность* капитализма,—влекущая за собой рано или поздно фатальность соціализма,—къ которой такъ легкомысленно относятся синдикалисты. Фатальность капитализма—это значитъ иначе закономѣрность, правильность, неслучайность экономическаго развитія. Именно изъ этой *объективной*, матеріальной закономѣрности экономическаго развитія долженъ исходить соціалистъ, а не изъ *субъективныхъ* помысловъ и желаній пролетаріата. И тогда ему и въ голову не придетъ противоставлять свободу пролетаріата фатальности (т. е. закономѣрности) капиталистическаго развитія. Кто дѣлаетъ такое противоставленіе, тотъ попросту отрываетъ пролетаріатъ отъ твердой почвы дѣйствительности; а не считаясь съ дѣйствительностью, нетрудно уже вступить на опасный путь, яко быреволюціонныхъ, авантюръ. Задача соціалиста—очень отвѣтственная и очень трудная задача—въ томъ и состоитъ, чтобы въ каждый данный моментъ умѣть *связать* свободу пролетаріата съ фатальностью капитализма. Свобода (соціалистическаго) пролетаріата представляетъ собой естественное продолженіе фатальности капитализма, при чемъ, однако, она не отрывается отъ нея. Соціалистическій пролетаріатъ долженъ быть авангардомъ, передовымъ отрядомъ, въ ходѣ общественнаго развитія; какъ и всякій авангардъ, онъ долженъ идти нѣсколько

впередъ, но, однако, не забѣгать настолько впередъ, чтобъ не оторваться отъ всего цѣлаго—не оторваться и не зарваться. На практикѣ, конечно, весьма трудно опредѣлить то разстояніе, на которое можетъ отойти впередъ въ своемъ дѣйствіи рабочій классъ. Должно признаться, что соціалъ-демократія не всегда удачно спрявлялась съ этой задачей; но неудача эта была двоякая: если на Западѣ—въ лицѣ своей умѣренной, оппортунистической фракціи,—она иногда уступала фатальности капитализма, то у насъ, въ Россіи, иногда слишкомъ переоцѣнивалась свобода. И трудно сказать, какого рода ошибка безвреднѣе: та ли, при которой преувеличиваютъ силы пролетарiата, или та, когда ихъ уменьшаютъ.

Но если марксистамъ, соціалъ-демократамъ, приходится на практикѣ ошибаться, то въ этомъ виновата не ихъ теорія, а неправильное пользованіе ею; синдикалисты же просто возводятъ заблужденіе въ правило, когда въ своей теоріи исходятъ изъ сознательной воли пролетаріата.

Такова одна сторона историческаго ученія синдикалистовъ; теперь перейдемъ къ другой сторонѣ его, въ которой, повидимому, синдикалисты не только не являются идеалистами, но, наоборотъ, выступаютъ, какъ наиболѣе непримиримые экономическіе матеріалисты. Обратимся къ тому же Леоне, который намъ разсказалъ, какъ соціалъ-демократы «изуродовали» историческій матеріализмъ.

«Открытіе Маркса, пишетъ Леоне, воочію доказавшее, что экономическая власть предшествуетъ политической и что мощь государства является не чѣмъ инымъ, какъ продуктомъ экономическаго господства буржуазіи—не получило (у соціалистическихъ партій) никакого практическаго примѣненія».

«Всюду, гдѣ бы онѣ ни возникали, соціалистическія партіи съ перваго же дня становились на точку зрѣнія концепціи, опрокидывавшей вверхъ ногами эту историческую истину: не экономика, экономическія силы и

классовые интересы порождаютъ собой послѣдующія политическія формы, а, наоборотъ, политика опредѣляетъ собой экономику—такова сущность этой ложной концепціи» («Синдикализмъ», с. 51).

Нѣсколько раньше Леоне говоритъ, что съ точки зрѣнія историческаго матеріализма соціализмъ для своего осуществленія «требуетъ наличности особой, специфированной экономической среды» (с. 48). «Соотвѣтственно духу марксизма, читаемъ мы у него дальше, элементы разъѣданія стараго міра, равно какъ и революціонный ферментъ новаго, должны созрѣвать въ экономической пролетарской средѣ. Съ своей стороны эта спеціальная *экономическая среда* должна зародиться и достигнуть развитія на почвѣ матеріальныхъ интересовъ, классовыхъ противорѣчій, лежащихъ въ основѣ купли-продажи пролетарской рабочей силы. Экономическій базисъ соціализма такимъ образомъ уже найденъ. При помощи цѣлой плеяды своихъ правовыхъ, соціальныхъ и политическихъ институтовъ, опирающихся на государство, капитализмъ развивается въ своей собственной промышленной *средѣ*. Соціализму, слѣдовательно, во что бы то ни стало, необходимо расцвѣсть именно въ кругу этого капиталистическаго производства, на той же экономической почвѣ. Таковыми являются въ дѣйствительности лишь профессіональные организмы, которые, организуя пролетаріатъ на базисѣ технической однородности, на естественной почвѣ классовыхъ интересовъ, противополагаютъ такимъ образомъ капиталистической экономіи соціализированныя силы рабочей экономіи, долженствующей стать наслѣдникомъ первой» (с. 49).

Ходъ мыслей Леоне—и всѣхъ синдикалистовъ въ этомъ вопросѣ—таковъ: историческій матеріализмъ учитъ, что «экономика», экономическія отношенія, предшествуютъ и опредѣляютъ собой политическія формы; соціалистическій переворотъ, какъ и всякій крупный общественный переворотъ, можетъ имѣть мѣсто только въ экономической области и черезъ соотвѣтственные экономическіе органы — синдикаты; соціалъ-демократы же,

обращающіе такое вниманіе на политическую борьбу и придающіе ей такое рѣшающее значеніе, идутъ противъ ученія историческаго матеріализма, идутъ противъ Маркса.

Какъ мы видимъ, опять ссылка на Маркса противъ марксистовъ,—но и на этотъ разъ не болѣе удачная, чѣмъ въ первомъ случаѣ. Марксъ разсматривалъ историческій процессъ *монистически*, т. е. онъ видѣлъ его единство и цѣльность, не допускающія такого обособленія экономической среды отъ другихъ областей общественной жизни, какое представляютъ себѣ синдикалисты. Подобно тому, какъ Марксъ не могъ бы противоставить свободу пролетаріата фатальности капитализма, а, наоборотъ, указалъ бы на связь ихъ, такъ не противоставлялъ онъ и не разрывалъ политическаго дѣйствія отъ экономическаго, а, наоборотъ, связывалъ ихъ. Экономика опредѣляетъ собой политику, училъ Марксъ. Но это не значило у него, что дѣйствіе происходитъ здѣсь односторонне, только отъ экономики въ направленіи политики: и политика, въ свою очередь, воздѣйствуетъ обратно на экономику. Въ соціальной жизни вообще нѣтъ такихъ явленій, которыя были бы только причинами, и другихъ, которыя были бы только слѣдствіями. Причины и слѣдствія мѣняются нерѣдко своими мѣстами: то, что вчера было причиной, сегодня становится слѣдствіемъ, и обратно. И чѣмъ полнѣе какая нибудь причина выражается въ извѣстномъ слѣдствіи, тѣмъ сильнѣе обратное испытываемое ею дѣйствіе. Въ такомъ именно отношеніи находятся между собой экономика и политика. Борьба экономическихъ интересовъ, классовая борьба, находитъ свое самое яркое, самое сконцентрированное выраженіе въ разныхъ формахъ политической борьбы, начиная съ мирной парламентской и кончая революціонными бурями. Когда буржуазія боролась съ феодальными порядками, то она не ограничивалась одной только борьбой на экономической почвѣ. Она била старый строй не только рублемъ, но и дубьемъ. Самый извѣстный примѣръ этого — великая

французская революція, которая завершила многовѣковую—экономическую и политическую—борьбу французской буржуазіи и доставила ей господство. И это господство буржуазіи—даже въ мирное время—выражается не только въ денежной ея силѣ, но и въ ея политической, парламентской власти.

Если экономика и опредѣляетъ политику, то какъ нужное для себя орудіе, а не какъ пустое безцѣльное украшеніе. Роль «политики» съ точки зрѣнія марксизма настолько велика, что именно Марксу и принадлежитъ знаменитое выраженіе, что всякая классовая борьба есть политическая борьба. Но иначе онъ и не могъ думать, стоя на монистической точкѣ зрѣнія. Борьба же синдикалистовъ противъ соціалъ-демократовъ и ихъ политической дѣятельности, объясняется тѣмъ, что они ненаучно представляютъ себѣ общественный процессъ *дуалистически*, т. е. разрываютъ его на двѣ обособленныя, разнородныя части.

Этотъ дуализмъ не трудно подтвердить выписками изъ сочиненій синдикалистовъ. Такъ, по словамъ Леоне, синдикализмъ признаетъ, что «экономическая дѣятельность подчинена своимъ собственнымъ законамъ, что политическая сфера рѣзко отдѣлена отъ экономической и что процессъ матеріальной жизни не имѣетъ ничего общаго съ жизненнымъ процессомъ государства» («Синдикализмъ», с. 94). «Ничего общаго»—такъ прямо и сказано.

У Лагорделля мы читаемъ еще худшія вещи: «Въ демократіи, пишетъ онъ, пропасть, которая отдѣляетъ правящихъ отъ управляемыхъ, образуется благодаря искусственному характеру политическаго государства, рожденнаго изъ дѣленія общества на классы и имѣющаго исключительной цѣлью поддержать господство буржуазнаго класса. Марксъ указалъ, что государство образовалось надъ гражданскимъ обществомъ и создало свои организмы внѣ его». («Революціонный синдикализмъ» въ изд. «Шиповника», с. 102).

И опять имя Маркса упомянуто всуе! Марксъ только

въ ужасъ пришелъ бы отъ такихъ старозавѣтныхъ, отдающихъ ученіями XVIII вѣка, теорій, по которымъ политическая жизнь общества носитъ «искусственный» характеръ, въ отличіе отъ «естественнаго» характера экономики. Въ XVIII вѣкѣ ученые такимъ именно образомъ объясняли происхожденіе всѣхъ общественныхъ явленій. Государство, право, языкъ и пр.—все это признавалось «искусственными» вещами, придуманными и созданными первобытными людьми путемъ договора для удовлетворенія нуждъ совмѣстной общественной жизни.

Съ средины XIX столѣтія подобныя теоріи были окончательно оставлены наукой. Изъ крупныхъ соціалистовъ онѣ встрѣчаются еще у отца анархизма, Прудона, у котораго современные синдикалисты и заимствовали многія свои ученія. Но, конечно, такіе взгляды не имѣютъ ничего общаго съ марксизмомъ.

Почти тождественно выражается и одинъ изъ виднѣйшихъ практическихъ дѣятелей синдикализма, анархистъ Пуже, объясняя существенное различіе между политическимъ движеніемъ и экономическимъ: «первое, говоритъ онъ, все—внѣшность, фасадъ, какъ и преслѣдуемая имъ цѣль; второе имѣетъ глубокіе корни, растущіе въ самой глубинѣ основныхъ интересовъ работника». («Mouwem. Socialiste», 1907 г., январь, с. 27). Соціальная реальность, разсуждаетъ онъ дальше, заключается только въ экономической средѣ.

Итакъ, съ точки зрѣнія синдикалистовъ, соціальная жизнь раздѣляется на двѣ; рѣзко отличныя и управляющіяся своими особыми законами, области: первая, экономическая, имѣетъ естественный характеръ и представляетъ собой настоящую, подлинную, реальность; вторая же, политическая, искусственна и есть не болѣе, чѣмъ внѣшность, видимость. Это чисто дуалистическая теорія.

Идеализмъ и дуализмъ—вотъ что представляетъ собой синдикалистская теорія историческаго процесса, въ отличіе отъ марксизма, который *матеріалистиченъ и монистиченъ*. Присмотримся теперь къ выводамъ, которые дѣлаются изъ этой исторической теоріи.

2.

Синдикализмъ и политическая борьба.

«Синдикализмъ, пишетъ русскій синдикалистъ, г. Козловскій, такъ же гордо провозглашаетъ *права производителя,* какъ (буржуазная) революція XVIII вѣка провозгласила *права гражданина...* Во имя правъ производителя, синдикализмъ отрицаетъ всю современную общественную организацію, основанную на эксплоатаціи производительнаго труда, онъ отрицаетъ государство, демократію, парламентъ, политическія партіи. Ничего не заимствуя у буржуазіи, ни въ чемъ не подражая ей, онъ хочетъ разрушить всю буржуазную культуру и строить новый міръ, полагая въ основу своего строительства чисто пролетарскую организацію — рабочій союзъ» («Очерки синдикализма во Франціи», с. IX).

Не трудно видѣть, что это рѣзкое отдѣленіе правъ производителя отъ правъ гражданина такъ же произвольно и невѣрно, какъ и разобранное выше противопоставленіе «экономики» и «политики», изъ котораго оно вытекаетъ. Что цѣннаго для рабочаго, напримѣръ, въ свободѣ слова, право ли гражданина или право производителя? Или же въ свободѣ собраній? Ясно, что и то и другое. Рабочій можетъ использовать свободу собраній, какъ для защиты своихъ профессіональныхъ интересовъ, такъ и для выборовъ депутата въ парламентъ или же просто для какихъ-нибудь просвѣтительныхъ цѣлей. Правда, всѣ эти свободы общи пролетаріату съ другими гражданами. Правда и то, что есть такія права, которыя имѣютъ интересъ преимущественно для рабочихъ, напримѣръ, свобода стачекъ; но эти права нельзя рѣзко и безповоротно отдѣлять отъ другихъ общедемократическихъ, гражданскихъ правъ, безъ которыхъ они теряютъ всю свою цѣнность. Какое значеніе представляла бы свобода стачекъ безъ свободы слова и собранія?

Все это вещи, которыя разумѣются почти сами собой. Настаивать на нихъ мы не будемъ. Если синдикалисты ихъ не замѣчаютъ, то только потому, что—какъ правильно замѣчаетъ г. Козловскій—они «во имя правъ производителя» отрицаютъ государство, демократію, парламентъ, политическія партіи. И это ихъ отрицаніе понятно, разъ допустить ихъ исходную точку, по которой экономика (производство) есть единственная соціальная реальность, а политика (государство, демократія) только видимость, только тѣнь этой реальности. Какой, въ самомъ дѣлѣ, смыслъ заниматься тѣнью вещи, когда есть сама вещь, на которую можно воздѣйствовать? И вотъ, исходя изъ этого своего основного ученія, синдикалисты выдвигаютъ цѣлый рядъ доводовъ, долженствующихъ показать безцѣльность и даже вредность политической борьбы съ точки зрѣнія интересовъ пролетаріата. Нѣкоторые изъ этихъ доводовъ мы разберемъ. Начнемъ съ менѣе существенныхъ.

Синдикалисты, конечно, правы, когда предостерегаютъ противъ чрезмѣрныхъ надеждъ на парламентскую дѣятельность. Въ реформистской оппортунистической части соціалъ-демократіи широко распространенъ взглядъ, что благодаря непрерывному росту числа соціалъ-демократическихъ депутатовъ въ парламентѣ имъ удастся когда-нибудь стать большинствомъ и произвести соціальный переворотъ легальнымъ, мирнымъ путемъ. Конечно, нужна большая любовь къ мирнымъ формамъ борьбы, а, главное, большое самоослѣпленіе, чтобъ думать, будто правящіе классы такъ легко откажутся отъ свое господства. Невозможно сомнѣваться, что, доведенные до такой крайности, господствующіе классы попросту рѣшатся на государственный переворотъ и отнимутъ у народа, ставшее для нихъ столь опаснымъ, всеобщее избирательное право. Такъ, напримѣръ, поступило нѣсколько лѣтъ назадъ правительство въ промышленной Саксоніи, гдѣ соціалъ-демократы были наканунѣ того, чтобъ стать парламентскимъ большинствомъ.

Не слѣдуетъ преувеличивать значенія парламентской

дѣятельности и разсчитывать замѣнить ею соціальную революцію—въ этомъ отношеніи критика синдикалистами оппортунистическихъ надеждъ и иллюзій вѣрна. Но вѣдь то же самое утверждаетъ и революціонная часть соціалъ-демократіи, съ той только существенной разницей, что она изъ этого не дѣлаетъ вывода о ничтожномъ значеніи парламентской борьбы. Если парламентская дѣятельность и не въ состояніи *замѣнить* соціальную революцію, то до соціальной революціи она въ своемъ родѣ *незамѣнима*. Конечно, мы знаемъ, что буржуазныя правительства, когда оружіе избирательнаго права рѣшительно обратится противъ нихъ, попытаются обломать остріе его. Но это только и показываетъ, какое значеніе имѣетъ борьба за политическое господство. Для пролетаріата же выгодно заставить буржуазію нарушить ею же созданные законы и рѣшиться на государственный переворотъ. Въ столкновеніи, которое можетъ возникнуть по поводу такого нарушенія правящими классами основныхъ законовъ государства, онъ будетъ имѣть на своей сторонѣ всѣ демократическіе элементы общества. Синдикалисты любятъ ссылаться на приведенный нами примѣръ Саксоніи, гдѣ отнятіе избирательнаго права не вызвало никакого протеста со стороны населенія; они легко заключаютъ изъ этого, что правительство всегда сумѣетъ сдѣлать подобную попытку. Но примѣръ Саксоніи говоритъ не противъ значенія парламентской дѣятельности и всеобщаго избирательнаго права, а противъ революціонности саксонскаго пролетаріата или же, въ лучшемъ случаѣ, противъ условій нѣмецкой общественной жизни, заставившихъ саксонцевъ удержаться отъ выступленія. Не надо забывать также того, что саксонцамъ—какъ и вообще нѣмцамъ—всеобщее избирательное право досталось безъ усилій, что оно—по разнымъ соображеніямъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто говорить—было «даровано». Въ странахъ же, гдѣ—какъ, напримѣръ, въ Бельгіи или Австріи—пролетаріатъ въ тяжелой многолѣтней борьбѣ завоевывалъ себѣ право политической жизни, всякое покушеніе со

стороны правительствъ на всеобщее избирательное право не пройдетъ имъ, разумѣется, даромъ.

Синдикалисты указываютъ далѣе на далекость и чуждость политическихъ вопросовъ рабочимъ массамъ, благодаря чему, по выраженію Лагорделля, между правящими и управляющими въ демократіи вырывается пропасть (см. выписку на с. 13). «Вопросы, которые ставятся избирателю, развиваетъ далѣе свою мысль Лагорделль, не взяты изъ области реальной, повседневной жизни; онъ не подготовленъ рѣшать чуждыя ему проблемы общей политики. Да и занимается онъ ими случайно, разъ въ четыре года, когда нужно вотировать»... Напротивъ органы экономическаго общества находятся внутри его самого, составляютъ съ нимъ одно тѣло». Профессіональные вопросы близки рабочимъ массамъ; синдикаты, состоящіе обыкновенно изъ передовыхъ рабочихъ, не отрываются отъ рабочаго класса. «Производитель ничѣмъ не напоминаетъ гражданина: онъ не делегируетъ своей власти людямъ, чуждымъ его средѣ, находящимся внѣ его класса, чтобы тѣ рѣшали вопросы недоступные его уму» («Рев. синдик.» с. 103).

Что профессіональные вопросы, разбирающіеся обыкновенно въ синдикатѣ, и ближе и доступнѣе уму широкихъ массъ, чѣмъ политическіе, это несомнѣнно. Но это соображеніе имѣло бы уничтожающее значеніе только въ томъ случаѣ, если бы революціонный синдикализмъ былъ чисто профессіональнымъ движеніемъ, борющимся только за разныя экономическія улучшенія. Но революціонный синдикализмъ стремится къ соціальному перевороту; онъ желаетъ уничтожить современное общество и поэтому онъ никакъ не можетъ обойти всѣхъ крупныхъ занимающихъ это общество вопросовъ. Государственное страхованіе и пенсія для рабочихъ, налоги, война, колоніальная политика—все это вопросы, которые самымъ тѣснымъ образомъ затрагиваютъ рабочій классъ и на которые долженъ дать тотъ или иной отвѣтъ претендующій говорить отъ имени пролетаріата революціонный синдикализмъ. И французскимъ синдикалистамъ

приходилось ужъ на практикѣ имѣть дѣло съ такими задачами. Въ частности пропаганда антимилитаризма и антипатріотизма, которой такъ усердно предаются синдикалисты, имѣетъ дѣло съ очень запутанной и сложной проблемой, которая далеко выходитъ изъ рамокъ узко профессіональныхъ вопросовъ, занимающихъ въ обычное время синдикаты. И это не случайность, не исключеніе: если французскому синдикализму суждено развиваться и впредь, то ему неизбѣжно придется столкнуться съ цѣлымъ рядомъ проблемъ общегосударственнаго значенія, при обсужденіи которыхъ не помогутъ никакія тонкости и хитрости насчетъ экономическаго общества и политическаго, насчетъ производителей и гражданъ, экономическихъ организацій и демократіи, и пр.

Что же касается «пропасти» между правящими и управляемыми, между избранными и избирателями, то, не отрицая значенія указываемаго здѣсь факта, не надо и преувеличивать связанной съ этимъ опасности [1]). Къ тому же и въ самомъ синдикализмѣ по части «пропасти» не все благополучно. Оказывается, по словамъ того же Лагарделля (излагающаго здѣсь просто взгляды практиковъ синдикализма), что «борьба создала естественную іерархію въ нѣдрахъ рабочаго класса: самые дѣятельные самые боевые элементы, тѣ, которыхъ привыкли назы-

---

[1]) Иные синдикалисты—какъ и анархисты—испытываютъ такой ужасъ передъ этой опасностью, что готовы отказаться вообще отъ принципа представительства. «*Прямое дѣйствіе*, про повѣдуемое синдикализмомъ—пишетъ видный французскій теоретикъ синдикализма, Э. Бертъ—есть какъ разъ отрицаніе всякаго представительства пролетарскихъ интересовъ; въ немъ выражается идея, что рабочій классъ долженъ дѣйствовать, *какъ автономная и не представляемая масса*, и что представительство неизбѣжно означаетъ измѣну, уклоненіе, обуржуазеніе». (Mouv. Social., 1906, Octobre, с. 165). Все это, конечно, вздоръ, ибо и у синдикалистовъ рабочіе дѣйствуютъ не массой, не «скопомъ» а черезъ выборныхъ делегатовъ, черезъ представителей.

вать «сознательное меньшинство», идутъ впереди и показываютъ другимъ путь, по которому нужно идти. Такимъ образомъ, въ рабочемъ движеніи происходитъ естественный подборъ, который выдѣляетъ изъ массы всѣхъ тѣхъ, кто обладаетъ высшими качествами по интеллигентности, преданности дѣлу и дѣятельности». Въ результатѣ получается, говоритъ Лагарделль, новый политическій принципъ: «*управленіе рабочаго класса посредствомъ ассоціацій изъ селекціонированныхъ* (*т. е. отборныхъ лучшихъ*) *рабочихъ*» (с. 100), т. е. чисто аристократическій принципъ.

И синдикалисты вполнѣ серьезно защищаютъ его. Въ политическомъ мірѣ, говорятъ они, въ демократіи, всѣ граждане признаются отвлеченно равными между собой; здѣсь принимается въ расчетъ только число, между тѣмъ какъ въ экономическомъ, рабочемъ мірѣ обращаютъ вниманіе на сознательность, на качество, а не на количество.

Эти странныя теоріи служатъ синдикалистамъ для оправданія того, что на своихъ съѣздахъ они вотируютъ не по количеству голосовъ рабочихъ, а по синдикатамъ: всѣ синдикаты, какъ большіе, такъ и маленькіе, какъ насчитывающіе число своихъ членовъ тысячами, такъ и имѣющіе ихъ всего десятки, получаютъ по одному голосу. «Не численная сила должна брать верхъ, поучаетъ Лагарделль, но степень сознательности» (с. 98). Это разсужденіе, конечно, въ корнѣ невѣрно. И у синдикалистовъ численная сила беретъ верхъ, но только счетъ ведется по синдикатамъ, а не по членамъ ихъ. Благодаря этому множество слабыхъ синдикатовъ могутъ навязывать свои рѣшенія немногимъ сильнымъ. При чемъ тутъ «степень сознательности»? Развѣ малочисленные, слабые синдикаты непремѣнно сознательнѣе мощныхъ и крѣпкихъ союзовъ? Скорѣе нужно думать наоборотъ.

Всѣ эти разсужденія о количествѣ и качествѣ, о численной силѣ и степени сознательности, тутъ не при чемъ. Дѣло же въ томъ, что для синдикалистовъ—какъ

мы ниже увидимъ—синдикатъ есть основная хозяйственная ячейка, есть та экономическая единица, изъ которой складывается все общественное производство. Каждый синдикатъ это своего рода самодавлѣющее государство, вступающее съ другими синдикатами въ договорныя, федеративныя отношенія. И подобно тому какъ при федераціи государствъ, каждое изъ нихъ, независимо отъ своихъ размѣровъ, имѣетъ одинъ голосъ въ общемъ центральномъ правительствѣ, такъ имѣютъ по одному голосу входящіе во Всеобщую Конфедерацію Труда синдикаты.

Но всѣ эти разобранные нами аргументы только мелкія стычки на аванпостахъ. Настоящій же бой развертывается только теперь.

Ссылаясь на факты, на парламентскую исторію, синдикалисты доказываютъ, что соціалистическія партіи—какъ и всякія политическія партіи—служатъ дѣлу сближенія классовъ, а не разъединенія ихъ, т. е. что онѣ идутъ противъ основного принципа современнаго соціализма—классовой борьбы. Послушаемъ, въ самомъ дѣлѣ, снова г. Козловскаго:

«Прежде всего, говорятъ синдикалисты, классовая политическая партія есть фикція: партіи не являются чистыми въ классовомъ отношеніи, и с.-демократія не представляетъ исключенія.

«Какъ всякая парламентская партія, с.-демократія стремится получить на выборахъ возможно большее количество голосовъ, и потому не ограничивается голосами рабочихъ, а старается склонить на свою сторону избирателей изъ другихъ классовъ—крестьянъ, мелкихъ буржуа, интеллигенціи и т. д. Самой чистой въ классовомъ отношеніи является нѣмецкая соціалъ-демократія, и что же? Четвертая часть подаваемыхъ за нее голосовъ, оказывается, принадлежитъ буржуазіи... Соціалъ-демократія, конечно, не можетъ разсчитывать въ рѣшительную минуту на поддержку тѣхъ буржуа, которые по тѣмъ или инымъ соображеніямъ голосовали за нее на выборахъ» (с. 26).

Итакъ, доводъ первый: нечистый въ классовомъ отношеніи составъ соціалъ-демократическихъ избирателей.

«Далѣе, разъ соціалистическая партія опирается на поддержку непролетарскихъ группъ населенія, она должна считаться съ ихъ мнѣніями и интересами. Тамъ, гдѣ зависимость соціалистической партіи отъ буржуазныхъ элементовъ сильнѣе, чѣмъ въ Германіи, напр., во Франціи, вліяніе этого факта на классовый характеръ партіи очень замѣтно. Въ своихъ избирательныхъ рѣчахъ и возваніяхъ соціалисты, находящіеся въ зависимости отъ избирателей не рабочихъ, стараются подчеркнуть не классовой характеръ партіи, не соціалистическій идеалъ, который можетъ оттолкнуть многихъ избирателей, а общность интересовъ пролетаріата съ крестьянствомъ и мелкой буржуазіей т. е. выдвигается на первый планъ демократическій, а не соціалистическій характеръ партіи».

Доводъ второй: смѣшанный составъ избирателей влечетъ за собой подмѣнъ классовой, соціалистической агитаціи общедемократической, объединяющей пролетаріатъ и мелкую буржуазію.

Но это еще не все: за избирательными компромиссами слѣдуетъ и парламентскій оппортунизмъ:

«Логика событій увлекаетъ все дальше и дальше отъ классовой точки зрѣнія соціалистическую партію, вступившую на путь парламентской дѣятельности. Если партія остается вѣрной принципу классовой борьбы и не входитъ въ компромиссы и соглашенія съ буржуазными партіями, она обречена на изолированное положеніе и безсиліе. Естественно стремясь проявить себя въ чемъ либо (ибо зачѣмъ же и партію создавать, если не дѣйствовать), с.-демократія входитъ въ коалиціи съ лѣвыми демократическими буржуазными партіями. Пока эта коалиція остается въ оппозиціи, т. е. въ меньшинствѣ, то противорѣчіе этого шага съ классовыми задачами партіи не такъ рѣзко бросается въ глаза; оно обнаруживается вполнѣ лишь тогда, когда оппозиція

становится большинствомъ и, слѣдовательно, при парламентскомъ режимѣ, правительствомъ» (с. 27).

Изъ всего этого г. Козловскій дѣлаетъ тотъ выводъ, что «соціалистическимъ партіямъ всюду суждено превращаться въ демократическія партіи, не разъединяющія, а сближающія классы» (с. 30). Спасеніе въ томъ, чтобы уйти въ свои синдикаты, ибо, какъ объясняетъ, въ свою очередь, Лагарделль, «если на политической почвѣ рабочій-гражданинъ смѣшивается съ гражданами другихъ классовъ, на экономической почвѣ онъ стоитъ особнякомъ, въ непримиримой враждѣ къ классамъ-паразитамъ. На этой почвѣ ему нѣтъ иного выхода, какъ уйти въ свои синдикаты, свои биржи труда, какъ въ крѣпости, ничего не заимствовать у своего врага, создавать свои классовые институты, вырабатывать свою классовую идеологію—выковывать свое оружіе, съ помощью котораго онъ могъ бы возстать противъ буржуазнаго міра въ его цѣломъ» («Рев. Синдикализмъ», с. 125).

Въ этомъ вопросѣ надо отличать двѣ стороны: во-первыхъ, смѣшанный составъ избирателей [1]) и во-вторыхъ, вліяніе, которое это оказываетъ на соціалистическія партіи въ томъ смыслѣ, что онѣ внѣ парламента и въ парламентѣ стремятся къ сближенію съ демокра-

[1]) Синдикалисты охотно смѣшиваютъ избирательныя массы съ партійными организаціями. Къ сожалѣнію, это не одно и то же. Въ Германіи болѣе 3 милліоновъ соціалъ-демократическихъ избирателей; въ партійныхъ же организаціяхъ нѣсколько свыше полумилліона. Мелкая буржуазія, часто подающая на выборахъ свой голосъ за соціалъ-демократовъ, почти не играетъ никакой роли въ составѣ партіи. Гораздо больше разница между числомъ членовъ партіи и числомъ соціалистическихъ избирателей во Франціи: первыхъ около 40.000, вторыхъ же 800.000—1,000.000. Процентъ не пролетарскихъ избирателей долженъ быть огромный, а это вполнѣ соотвѣтствуетъ неустановившемуся, часто ударяющемуся въ оппортунизмъ, характеру французскаго соціализма.

тическими элементами. Что касается не чисто пролетарскаго характера избирательныхъ массъ, то само по себѣ это явленіе — если, конечно, оно не переходитъ извѣстныхъ границъ — еще не зло. Оно неизбѣжно вытекаетъ изъ самого хода общественнаго развитія. У синдикалистовъ, какъ мы видѣли, историческій процессъ складывается довольно просто: съ одной стороны экономическое общество, съ другой — политическое; здѣсь производители (т. е. пролетаріи), тамъ—граждане (т. е. разныхъ видовъ буржуа) и т. д. На самомъ же дѣлѣ все обстоитъ гораздо сложнѣе, и трудно, почти невозможно, провести границу между чистыми пролетаріями и различными полу-пролетарскими и вообще близкими по своему положенію къ пролетаріату элементами. Кустари, ремесленники, разоряющіеся крестьяне, приказчики, мелкіе лавочники—все это, понятно, не пролетаріи, но часто ихъ положеніе ничѣмъ не лучше — если даже не хуже — положенія наемныхъ рабочихъ. Естественно, что всѣ эти слои съ ростомъ силы и значенія пролетаріата начинаютъ возлагать свои надежды на него. Конечно, это далеко не надежные сотрудники, и правящимъ классамъ нерѣдко удается завлечь ихъ какой-нибудь пустой приманкой. Но буржуазія не въ силахъ существенно улучшить ихъ участи и привязать ихъ такимъ образомъ прочно къ себѣ. Эти слои могутъ разъ, другой и третій попасться на удочку буржуазныхъ обѣщаній, но рано или поздно они должны будутъ понять, что соціалистическій «журавль»—т. е. требованіе коммунистическаго переворота, не сулящее имъ особенныхъ благъ въ настоящемъ, — надежнѣе всякихъ буржуазныхъ «синицъ». Эта выучка требуетъ, разумѣется, много времени; она требуетъ, съ другой стороны, большой выдержки отъ соціалистическихъ партій. Шатанія и перелеты этихъ промежуточныхъ слоевъ отъ партіи пролетаріата къ буржуазнымъ и правительственнымъ партіямъ испортятъ, вѣроятно, еще не мало крови соціалъ-демократамъ и вызовутъ еще не мало споровъ среди нихъ о значеніи этихъ слоевъ, но, какъ изъ

пѣсни нельзя выкинуть слова, такъ нельзя сбросить съ вѣсовъ исторіи эти тяготѣющія, въ конечномъ счетѣ, къ пролетаріату мелкобуржуазные элементы. Въ соціальномъ переворотѣ ихъ роль можетъ быть огромной и даже рѣшающей.

Но по отношенію къ нимъ, повторяемъ, нужны терпѣніе и выдержка. Не слѣдуетъ въ погонѣ за быстрыми парламентскими успѣхами урѣзывать въ угоду имъ свою соціалистическую программу. Къ этому, къ сожалѣнію, склонна оппортунистическая часть соціалъ-демократіи съ ея вѣрой въ парламентское разрѣшеніе соціальнаго вопроса. Противъ такого вытравливанія соціалистическаго духа изъ программы слѣдуетъ, разумѣется, бороться безпощадно.

Мы говорили, что участіе извѣстныхъ мелкобуржуазныхъ слоевъ въ соціалистическомъ движеніи неизбѣжно. Насколько вѣрно это положеніе, видно на примѣрѣ самого французскаго синдикализма, когда онъ за послѣдніе годы сталъ серьезной общественной силой и столкнулся со всей сложностью общественныхъ вопросовъ. Исключительно пролетарскій характеръ синдикализма сейчасъ же растаялъ, какъ дымъ. На ряду съ рабочими синдикатами появились синдикаты приказчиковъ, учителей, чиновниковъ и тому подобныхъ не пролетарскихъ элементовъ. Борьба за синдикаты чиновниковъ, борьба за непризнаваемое правительствомъ право чиновниковъ объединяться въ профессіональные союзы играла даже послѣднее время огромную роль во внутренней политической жизни Франціи. Непролетарскіе синдикаты стали такъ умножаться въ числѣ, что синдикалисты должны были развивать цѣлыя теоріи, какіе изъ чиновничьихъ союзовъ можно допускать во Всеобщую Конфедерацію Труда, а какіе — нѣтъ по явно враждебному для пролетаріата характеру обязанностей этихъ чиновниковъ. На этой почвѣ были даже такіе курьезы, какъ жалобы одного союза, что въ Конфедерацію Труда допущенъ былъ синдикатъ тюремныхъ надзирателей!

Синдикалисты могутъ сказать, что учителя и чинов-

ники, организуясь въ союзы и усваивая методы пролетарской борьбы и соціалистическіе идеалы пролетаріата, какъ бы разрываютъ съ своимъ происхожденіемъ. Но вѣдь то же самое утверждаютъ и соціалъ-демократы о тѣхъ мелкобуржуазныхъ элементахъ, которые становятся на точку зрѣнія соціалъ-демократіи и вотируютъ за ея кандидатовъ. Мы же здѣсь обсуждаемъ вопросъ о соціальномъ составѣ, о кругѣ лицъ, къ которымъ обращаются съ своей агитаціей синдикалисты съ одной стороны, соціалъ-демократы — съ другой. И въ томъ и въ другомъ случаѣ не можетъ быть рѣчи о *безусловной* классовой чистотѣ; исчезновеніе ея, повторяемъ, неизбѣжно по мѣрѣ того, какъ движеніе растетъ и принимаетъ національные размѣры. Возьмемъ еще для примѣра антимилитаристскую агитацію синдикалистовъ. Къ кому обращается она? Къ солдатамъ, т. е. въ большинствѣ случаевъ, къ сыновьямъ крестьянъ и мелкихъ буржуа. Чѣмъ отличается составъ этой аудиторіи отъ той избирательной массы, къ которой обращается на выборахъ соціалъ-демократическая агитація? Рѣшительно ничѣмъ.—Или же вспомнимъ случай весенняго возстанія винодѣловъ на югѣ Франціи, когда синдикалисты манифестировали вмѣстѣ съ крестьянами и даже помѣщиками.

Все это показываетъ, что, какъ только синдикализмъ выходитъ изъ узкихъ рамокъ чисто экономической, профессіональной борьбы и встрѣчается съ задачами общенароднаго, національнаго характера, онъ становится «демократичнымъ» въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ онъ упрекаетъ соціалъ-демократію. И этотъ «демократизмъ» самъ по себѣ не зло, являясь, наоборотъ, признакомъ роста и силы.

Это показываетъ также, какъ ошибочны всѣ размышленія синдикалистовъ объ «экономикѣ» и «политикѣ» и ихъ борьба противъ политицизма соціалъ-демократіи. Фактически борьба, которую ведутъ синдикалисты во Франціи, настолько же экономическая, насколько и политическая. Что такое, въ самомъ дѣлѣ,

борьба за право чиновниковъ синдикироваться: экономическое дѣйствіе или политическое? Въ какую рубрику занести проповѣдь антимилитаризма и антипатріотизма? И т. д. и т. д. Синдикалистское отрицаніе политики сводится, въ сущности, къ отрицанію одной, правда крайне важной формы политическаго дѣйствія—именно парламентскаго дѣйствія; но и здѣсь, какъ мы сейчасъ увидимъ, дѣло не такъ просто, какъ оно кажется на первый взглядъ.

3.

Синдикаты и партіи.

Французскій пролетаріатъ, разсказываетъ Лагарделль, въ ходѣ своего развитія «понялъ разницу, существующую между *гражданиномъ* и *производителемъ*. Какъ гражданинъ, пролетарій можетъ вести политическую борьбу вмѣстѣ со всею демократіей. Онъ совершенно свободенъ войти въ любую политическую организацію. И на этой почвѣ соціалистическая партія является его естественнымъ органомъ» («Рев. синдикализмъ», с. 124).

Въ этихъ немногихъ строкахъ, какъ въ зеркалѣ, отразилась вся путаница синдикалистскаго отношенія къ политической (парламентской) борьбѣ. Если, въ самомъ дѣлѣ, между производителемъ и гражданиномъ существуетъ такая огромная разница, какъ это рисуютъ синдикалисты, если далѣе пролетаріатъ на политической аренѣ смѣшивается съ представителями другихъ классовъ и сближается, такимъ образомъ, съ ними, то прямой выводъ отсюда—отказъ отъ политической борьбы и рѣшительное запрещеніе ея. Это рѣшеніе было бы, конечно, по душѣ тѣмъ практикамъ и руководителямъ синдикализма, которые перешли къ нему отъ анархизма. Но такъ какъ даже французскій пролетаріатъ, видавшій всякіе парламентскіе виды, не собирался бросить оружіе избирательнаго права, то приш-

лось, такъ сказать, снизойти къ слабости его и провозгласить политическое дѣйствіе частнымъ дѣломъ каждаго [1]). Эту позицію практиковъ синдикализма Лагарделль и выражаетъ словами, что рабочій «совершенно свободенъ войти въ любую политическую организацію». Но вслѣдъ за этой фразой идетъ другая, противоположная и исключающая ее—именно, что соціалистическая партія является естественнымъ органомъ пролетаріата. Это противорѣчіе зависитъ оттого, что практики (французскаго) синдикализма и теоретики его неодинаково относятся къ парламентской дѣятельности. Первые стоятъ на точкѣ зрѣнія избирательной свободы пролетаріата, (нерѣдко высказываясь даже въ томъ смыслѣ, что, если ужъ выбирать, то можно подавать свой голосъ и за буржуазнаго кандидата, лишь бы онъ былъ честнымъ человѣкомъ и лишь бы была увѣренность, что онъ сдержитъ свои обѣщанія избирателямъ).

Теоретики же синдикализма, вообще говоря—погрѣшая противъ всѣхъ своихъ теорій и обличеній политическаго дѣйствія—стоятъ за необходимость соціалистическихъ партій. Въ томъ же духѣ, какъ Лагарделль, высказывается, напримѣръ, и Лабріола. Парламенты, говоритъ онъ, не являются, конечно, орудіемъ соціальнаго переворота, но «рабочій классъ совершилъ бы непростительную ошибку, если бы онъ совершенно отказался отъ использованія демократическихъ учрежденій (избирательное право, народное представительство) и всецѣло отстранился отъ политической жизни другихъ классовъ» («Реформизмъ и синдикализмъ», с. 207).

Но и Лабріола и Лагарделль, признавая значеніе соціалистическихъ партій, требуютъ, однако, чтобы онѣ

---

[1]) Не надо забывать, что, съ самаго возникновенія рабочаго движенія, во Франціи все время боролись между собой нѣсколько соціалистическихъ партій. Это сыграло огромную роль въ проникновеніи во французскіе синдикаты духа политической нейтральности.

стали послушнымъ орудіемъ въ рукахъ синдикатовъ. «Принимая соціалистическія партіи за то, чѣмъ онѣ являются въ дѣйствительности, говоритъ Лагарделль, за колеса демократической машины, и не придавая имъ того революціоннаго значенія, котораго онѣ не могутъ имѣть, можно легко представить себѣ ихъ въ слѣдующей второстепенной, но полезной роли: онѣ по-просту переносили бы на парламентскую почву рѣшенія, выработанныя пролетаріатомъ въ его классовыхъ организаціяхъ. Ихъ *косвенное воздѣйствіе* было бы, въ такомъ случаѣ, отраженіемъ *прямого воздѣйствія* организованнаго рабочаго класса» (Рев. синдик.», с. 46). Также разсуждаетъ и Лабріола: «Вначалѣ, пишетъ онъ, когда мы еще находились передъ рабочимъ классомъ, несознательнымъ, эгоистичнымъ и подавленнымъ нуждой, соціалистическая партія, дѣйствительно, была символомъ всѣхъ пролетарскихъ чаяній и надеждъ. Но теперь, когда рабочіе начинаютъ уже проявлять собственную иниціативу, партіи необходимо покориться и стать простой избирательной организаціей тѣхъ рабочихъ синдикатовъ, которые признаютъ удобнымъ участвовать въ избирательныхъ кампаніяхъ» (Ibid., с. 207).

Вопросъ о роли политической борьбы свелся, такимъ образомъ, къ вопросу объ отношеніи между профессіональными союзами и соціалистическими партіями. Это очень важный и сложный вопросъ, занимающій теперь мысль всего соціалистическаго міра и не получившій еще и до сихъ поръ окончательнаго рѣшенія. Синдикалисты — рѣчь здѣсь идетъ о теоретикахъ, а не о практикахъ [1])—рѣшаютъ его рѣзко и просто, требуя

---

[1]) На Амьенскомъ конгрессѣ синдикалистовъ была вынесена резолюція по вопросу объ отношеніи между партіей и синдикатами, подтверждающая тактику нейтральности профессіональныхъ союзовъ. Въ ней мы читаемъ: «Конгрессъ подтверждаетъ полную свободу членовъ синдиката участвовать, внѣ корпоративной организаціи, въ тѣхъ формахъ борьбы, которыя соотвѣтствуютъ

отъ партій безусловнаго подчиненія. Присмотримся къ ихъ разсужденіямъ.

Лабріола, какъ мы только что видѣли, признаетъ за соціалистическими партіями большое значеніе, но только въ прошломъ, когда пролетаріатъ былъ еще эгоистиченъ и несознателенъ. Судя по этому, можно было бы думать, что въ настоящее время, когда Лабріола надѣляетъ всѣми полномочіями синдикаты, пролетаріатъ сталъ вполнѣ сознательнымъ и ставитъ себѣ только высокія, не эгоистическія цѣли. На самомъ же дѣлѣ мы читаемъ у Лабріола дальше, что рабочій классъ теперь «*начинаетъ* уже проявлять собственную иниціативу». Отъ такихъ «начинаній», отъ такихъ первыхъ попытокъ, еще далеко до полной сознательности, и непонятно, почему Лабріола уже требуетъ отъ соціалистическихъ партій полнаго подчиненія. Вѣдь *даже съ его точки зрѣнія* ихъ роль еще далеко не сыграна. Самый бѣглый и поверхностный обзоръ рабочаго движенія нѣкоторыхъ важнѣйшихъ странъ покажетъ это.

На родинѣ Лабріолы, въ Италіи, синдикализмъ не опирается на широкое профессіональное движеніе; онъ представляетъ только часть, только фракцію общаго соціалистическаго итальянскаго движенія (изъ тридцати съ лишнимъ тысячъ членовъ партіи около 5.000 на послѣднемъ конгрессѣ партіи въ Римѣ высказались въ пользу идей революціоннаго синдикализма). Ясно, что здѣсь партіи некому «покориться», а, наоборотъ, она

ихъ философскимъ и политическимъ взглядамъ, ограничиваясь, съ своей стороны, требованіемъ не вводить внутрь синдиката тѣхъ мнѣній, которыя они исповѣдываютъ внѣ его.

«Что касается организацій, то Конгрессъ объявляетъ, что для того, чтобы синдикализмъ достигъ наибольшихъ результатовъ, экономическое дѣйствіе должно направляться прямо противъ патроната; конфедеральныя организаціи, какъ профессіональныя группы, не должны заниматься партіями и сектами которыя могутъ, рядомъ и внѣ ихъ, работать вполнѣ свободно надъ соціальнымъ переворотомъ».

еще въ состоянiи держать у себя въ подчиненiи мятежныхъ синдикалистовъ. Въ другихъ своихъ работахъ (въ статьяхъ въ Mouvement Socialiste) Лабріола самъ призналъ безнадежное состояніе итальянскаго синдикализма, для котораго онъ еще надолго не видитъ другой работы, кромѣ пропаганды своихъ идей внутри партіи.

Въ Германіи мы имѣемъ огромную партію съ полумилліономъ членовъ и съ болѣе чѣмъ тремя милліонами избирателей; мы застаемъ здѣсь мощное профессіональное движеніе, насчитывающее въ такъ называемыхъ «нейтральныхъ» (а по существу соціалъ-демократическихъ) союзахъ около 1.800,000 членовъ. Синдикалистскія идеи представлены въ ничтожныхъ по значенію локалистскихъ союзахъ, число членовъ которыхъ за послѣдній годъ упало съ 27,000 до 13,000. Для полноты картины, надо замѣтить, что по общему признанію нѣмецкіе соціалъ-демократическіе союзы въ цѣломъ умѣреннѣе и консервативнѣе партіи. Къ чему привело бы въ такомъ случаѣ подчиненіе партіи союзамъ? Къ тому, что партія стала бы умѣреннѣе и оппортунистичнѣе. Врядъ ли въ этомъ можно видѣть особенно положительный результатъ. Это признаетъ и нѣмецкій синдикалистъ, Михельсъ, который самаго безотраднаго мнѣнія о революціонности германскихъ профессіональныхъ союзовъ.

Оставимъ Австрію, Бельгію, Данію и другія страны, гдѣ партіи и соціалъ-демократическіе союзы ведутъ очень тѣсную и дружную жизнь, не пытаясь подчинить другъ друга. Въ Англіи мы имѣемъ широкое и сильное профессіональное движеніе, которое, однако, пропитано узко-профессіональнымъ духомъ и не только не революціонно, но даже еще не соціалистично. Соціалъ-демократическая партія, не смотря на свою четверть-вѣковую работу, сдѣлала лишь ничтожные успѣхи среди проникнутыхъ духомъ практицизма англійскихъ рабочихъ массъ. Очевидно, что и въ данномъ случаѣ синдикалистскій совѣтъ покориться не имѣетъ никакого смысла.

Въ концѣ концовъ, остается лишь Франція, единственная страна, гдѣ синдикалистское движеніе, дѣйствительно, сильно и гдѣ *сравнительно* слаба соціалистическая партія, всего года два какъ объединившаяся послѣ многолѣтнихъ внутреннихъ раздоровъ. Но и во Франціи, какъ ни какъ, партія существуетъ около тридцати лѣтъ и играетъ большую роль въ политической жизни страны. Синдикализмъ же въ томъ видѣ, какъ онъ теперь существуетъ, т. е. какъ революціонное и соціалистическое классовое движеніе французскаго пролетаріата, еще совсѣмъ юнъ [1]). Гдѣ гарантія, что синдикалистское движеніе и впредь сохранитъ свой революціонный характеръ? На международномъ конгрессѣ въ Штуттгартѣ одинъ ораторъ очень зло выразился о французскомъ синдикализмѣ, что руководители его привлекаютъ массы высокими фразами и низкими членскими взносами. Въ послѣднихъ словахъ онъ затронулъ самое больное мѣсто французскаго рабочаго движенія. Кассы французскихъ профессіональныхъ союзовъ постоянно пусты; имъ въ борьбѣ почти нечего терять, поэтому они довольно легко рѣшаются на всякаго рода выступленія. Богатые же нѣмецкіе или англійскіе союзы не съ такимъ легкимъ сердцемъ идутъ на рискъ. Значительные денежные запасы дѣлаютъ ихъ осторожнѣе и умѣреннѣе. Тотъ же духъ расчета и умѣренности наблюдается и въ тѣхъ французскихъ синдикатахъ, напримѣръ, въ союзѣ печатниковъ, у которыхъ поступленія идутъ хорошо. Если принять во вниманіе эти факты и если допустить, что рано или поздно и другіе французскіе синдикаты обзаведутся туго набитыми кассами—предполагать иное значило бы считать ихъ обре-

---

[1]) Конфедерація труда начала функціонировать на теперешнихъ основаніяхъ съ 1903 г. (см. P. Delesalle „La Confederat. Génér. du Travail", с. 5). Другіе берутъ отправной точкой современнаго синдикалистскаго движенія конгрессъ въ Буржѣ въ 1904 г. съ его резолюціей объ агитаціи за революціонное введеніе 8-ми часового рабочаго дня.

ченными на постоянное безсиліе—то естественно является мысль, что они со временемъ утратятъ значительную долю своего теперешняго революціоннаго пыла. Не станутъ ли и французскіе синдикаты, съ ростомъ своей экономической мощи, такими же умѣренными, какъ и германскіе нейтральные союзы?

Мы, конечно, не думаемъ этими соображеніями рѣшить вопросъ объ отношеніи партіи къ союзамъ; мы хотѣли только на фактахъ показать непригодность того рѣшенія, которое теоретики синдикализма выдаютъ за общеобязательное и необходимое. Самъ же вопросъ объ отношеніи между союзами и партіей очень труденъ, тѣмъ болѣе труденъ, что нужно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ считаться съ особенностями развитія рабочаго движенія въ данной странѣ, съ особенностями ея политическаго строя и пр. Среди соціалъ-демократовъ еще сравнительно недавно преобладало мнѣніе, что истиннымъ выразителемъ классовыхъ интересовъ и идеаловъ пролетаріата является его политическая партія; сравнительно съ ней профессіональные союзы разсматривались, какъ носители узко-корпоративнаго духа, думающіе только о ближайшихъ, непосредственныхъ, нуждахъ рабочаго класса. Съ этой точки зрѣнія партія признавалась чѣмъ-то высшимъ; ей приписывалось задача руководить всѣмъ объединеннымъ движеніемъ пролетаріата, слѣдить за тѣмъ, чтобъ, въ погонѣ за мелкими улучшеніями, въ союзахъ не угасался соціалистическій духъ и пр.

Синдикалисты перевернули эти отношенія вверхъ ногами. Истинно классовая организація—съ ихъ точки зрѣнія — это синдикатъ. Синдикатъ это организація *интересовъ* пролетаріата; партія же это организація *мнѣній*; какъ таковая, она можетъ объединить въ себѣ и непролетарскіе элементы. Синдикатъ по существу *соціалистиченъ*; партія — *демократична*. Поэтому, если синдикалисты и допускаютъ существованіе партіи, то какъ чего то второстепеннаго и непремѣнно подчиненнаго синдикальной организаціи.

Оба эти мнѣнія односторонни. Что синдикаты не непремѣнно соціалистичны и революціонны—это доказываетъ самое поверхностное наблюденіе. Французскіе синдикалисты даже умышленно отгораживаются отъ сторонниковъ умѣреннаго тредъюніонизма словечкомъ «революціонный». Что партія не есть только организація мнѣнія—это опять-таки не требуетъ особенныхъ доказательствъ. Когда синдикалисты говорятъ это, то они имѣютъ въ виду почти исключительно одинъ моментъ партійной жизни: моментъ выборовъ. Они забываютъ весь партійный аппаратъ съ его парламентской фракціей, его комитетами, пропагандистами, агитаторами, съ его прессой, аппаратъ, дѣлающій изо дня въ день свое незамѣтное, но большое дѣло.

Но, съ другой стороны, невѣрна и противоположная теорія, приписывающая соціалистическій классовой духъ только политическимъ партіямъ и пытающаяся подчинить имъ мощныя экономическія организаціи пролетаріата. Факты показываютъ, что и политическія партіи далеко не безупречны со стороны революціонности и соціалистичности своихъ идеаловъ и тактики: достаточно для этого только вспомнить имѣющее такое вліяніе оппортунистическое крыло соціалъ-демократіи.

Такимъ образомъ, ни одной изъ формъ дѣятельности пролетаріата—ни экономической-синдикальной, ни политической-парламентской—не присущи такія достоинства, которыя бы безусловно обезпечивали чистоту ученія. Такая чистота можетъ, въ конечномъ счетѣ, принадлежать только рабочему движенію во всемъ его цѣломъ, во всѣхъ формахъ его проявленія—синдикальной, политической, кооперативной, культурной,—Мы говоримъ: «въ конечномъ счетѣ», ибо подъ вліяніемъ различныхъ условій рабочее движеніе мѣстами можетъ принимать умѣренный и даже, какъ мы видимъ на примѣрѣ Англіи, несоціалистическій характеръ.—Съ этой точки зрѣнія идеаломъ явилось бы полное единство рабочаго движенія, при которомъ партійные комитеты, синдикаты, кооперативы и пр. составляли бы части единой огромной

организаціи и при которомъ между ними не могло бы возникнуть борьбы за главенство. Но до этого идеала еще далеко большинству странъ, и ближайшей насущной задачей является уничтоженіе трeній между партіей и союзами и установленіе между ними правильныхъ, дружескихъ отношеній. Для этого же нужно, прежде всего, чтобы обѣ стороны перестали стремиться подчинить одна другую. Нужно, чтобы поняли, что какъ синдикальная, такъ и политическая, организація пролетаріата въ разныхъ областяхъ, разными средствами, но преслѣдуетъ одну общую цѣль: полное освобожденіе рабочаго класса и установленіе на мѣсто капиталистическаго общества коммунистическаго. Въ отношеніяхъ между партіей и союзами долженъ быть положенъ поэтому принципъ «равноправія» обѣихъ сторонъ, какъ это было удачно принято на Штутгартскомъ конгрессѣ *). О различныхъ формахъ, которыя можетъ принять на практикѣ этотъ принципъ, мы здѣсь не будемъ распространяться.

---

[1]) Приведемъ отрывокъ изъ резолюціи Штутгартскаго конгресса объ отношеніи между соціалистическими партіями и профессіональными союзами: «Политическая и экономическая борьба рабочаго класса въ одинаковой степени необходима для полнаго освобожденія пролетаріата изъ оковъ духовнаго, политическаго и экономическаго рабства. Если задачи соціалистической партіи лежатъ, главнымъ образомъ, въ области политической борьбы пролетаріата, то задачи профессіональной организаціи лежатъ преимущественно въ области экономической борьбы рабочаго класса. Такимъ образомъ и партіи, и союзамъ предстоитъ въ освободительной борьбѣ пролетаріата выполнить одинаково важныя задачи.

«Обѣ эти организаціи, каждая сообразно своей сущности имѣютъ свои особыя сферы дѣятельности, съ предѣлахъ которыхъ каждая дѣйствуетъ совершенно самостоятельно. Однако, вмѣстѣ съ тѣмъ, существуетъ и постоянно растетъ такая область пролетарской классовой борьбы, въ которой результаты могутъ быть достигнуты только при единодушномъ сотрудничествѣ партійной и профессіональной организаціи».

4.

Синдикатъ и государство.

Теоретики синдикализма готовы признать извѣстное значеніе за соціалистическими партіями, которыя подчинились-бы руководству синдикатовъ. Но они совершенно своеобразно смотрятъ на цѣль этой политической дѣятельности. «Для революціоннаго пролетаріата, пишетъ, напримѣръ, Лабріола, политическая дѣятельность заключается въ использованіи административнаго механизма съ цѣлью перемѣщенія власти отъ государства къ синдикату, отъ центральнаго института къ отдѣльнымъ гражданамъ». («Рефор. и синдик.», с. 192). Соціалистическія же партіи стремятся расширить «власть государства на всѣ проявленія соціальной жизни» (Лагарделль, «Рев. синдикализмъ», с. 126). Соціалъ-демократы, по словамъ синдикалистовъ, государственники, между тѣмъ какъ сами они—ярые антигосударственники.

Чтобы оцѣнить значеніе этого новаго обвиненія, нужно разобраться въ смыслѣ слова «государство», которое разно понимается соціалъ-демократами и синдикалистами.

Для соціалъ-демократовъ государство неотдѣлимо отъ классового общества, вмѣстѣ съ которымъ оно зарождается и вмѣстѣ съ которымъ оно умираетъ. Войско, полиція, суды, парламенты, министры, тюрьмы, чиновники—весь этотъ огромный механизмъ государственной власти существуетъ главнымъ образомъ для держанія въ повиновеніи низшихъ классовъ. Съ уничтоженіемъ классового господства всѣ эти учрежденія или окончательно исчезаютъ, или пріобрѣтаютъ совсѣмъ иной характеръ. О томъ, какъ сложатся отношенія въ обществѣ будущаго, мы теперь не можемъ сказать ничего опредѣленнаго. Но нѣкоторые пункты для насъ все таки болѣе или менѣе ясны. Одинъ изъ такихъ пунктовъ—можетъ быть важнѣйшій—это признаніе неизбѣж-

ности и необходимости централизаціи производства. Если уже теперь отдѣльныя крупныя отрасли народнаго хозяйства, какъ, напримѣръ, желѣзнодорожное или почтово-телеграфное дѣло, требуютъ сильной централизаціи, то тѣмъ болѣе примѣнимо это ко всему хозяйственному цѣлому будущаго, которое должно будетъ удовлетворить всѣ нужды огромныхъ обществъ. Но централизація производства означаетъ передачу завѣдыванія имъ извѣстному,—конечно, выборному—органу; она означаетъ также передачу этому послѣднему соотвѣтственной общественной власти. Въ чемъ будетъ состоять эта власть центральныхъ хозяйственныхъ органовъ, какъ она будетъ проявляться, чѣмъ будетъ ограничена эта власть, будутъ-ли центральные органы имѣть дѣло съ отдѣльнымъ производителемъ или, что гораздо вѣроятнѣе, съ цѣлыми профессіональными союзами,—все это интересные вопросы, о которыхъ можно много спорить, но которые, конечно, будутъ рѣшены лишь въ будущемъ. Ясно, во всякомъ случаѣ, что эта новая власть соціалистическаго общества, не выходя изъ сферы производства, будетъ заключена въ очень узкія рамки, и что она такъ же мало похожа будетъ на современную государственную власть, какъ непохоже всенародное ополченіе на теперешнія арміи.

Таковъ въ двухъ-трехъ словахъ вопросъ о роли государства въ будущемъ обществѣ. Что же касается до соціалистическаго строя, то одной изъ главныхъ цѣлей, преслѣдуемыхъ соціалъ-демократическими партіями, является захватъ политической власти, какъ въ различныхъ мѣстныхъ учрежденіяхъ, такъ и особенно въ центральномъ органѣ государства—въ парламентахъ. Этотъ захватъ власти не имѣетъ ничего общаго съ стремленіемъ къ «огосударствленію», какъ это утверждали анархисты, и какъ за ними повторяютъ теперь синдикалисты. Цѣль его лишить буржуазію главной опоры ея господства. Въ классовой войнѣ, какъ и въ обыкновенной войнѣ, часто приходится брать позиціи и крѣпости не потому, что они представляютъ сами по

себѣ цѣнность для нападающаго, а потому, что онѣ имѣютъ цѣнность для засѣвшаго въ нихъ непріятеля. Онѣ являются, какъ говорятъ, «ключемъ» ко всей его военной мощи; завладѣть ими, выбить изъ нихъ непріятеля, значитъ рѣшить судьбу всей кампаніи. Такимъ же ключемъ буржуазнаго владычества является весь современный государственный механизмъ. Пока этотъ механизмъ въ ея рукахъ, возстанія пролетаріата, какъ бы они ни были по временамъ успѣшны, не смогутъ привести къ окончательной побѣдѣ.

Съ этимъ, вѣроятно, согласятся и синдикалисты. Но они вмѣсто захвата государственной власти предлагаютъ дезорганизацію ея съ одной стороны, и передачу всѣхъ полезныхъ функцій ея синдикатамъ—съ другой. Дезорганизація государства совершается путемъ выступленій пролетаріата, его частичныхъ и всеобщихъ стачекъ, путемъ антимилитаристской пропаганды и пр. Стремленія же синдикатовъ захватить полезныя функціи государства сводятся къ борьбѣ ихъ за такія требованія, какъ предоставленіе синдикатамъ права наблюденія за гигіеническими и санитарными условіями въ рудникахъ и заводахъ, назначеніе для этого делегатовъ синдикатами, передача синдикатамъ инспекторскаго дѣла, обязательность рѣшеній синдикатовъ для всѣхъ несиндикированныхъ рабочихъ данной отрасли въ вопросѣ о тарифахъ и пр. «Синдикаты, развиваетъ эти мысли Сорель, должны мало по малу вырывать эти полномочія, должны непрестанно требовать ихъ, заинтересовывая въ своихъ стремленіяхъ общество, неутомимо изобличая злоупотребленія и пр. Они такимъ образомъ отымутъ у старыхъ формъ, сохраняемыхъ демократами, все ихъ жизненное содержаніе, оставивъ имъ только гнусныя функціи охраны и наказанія. Тогда будетъ создано новое общество съ совершенно новыми элементами, съ чисто пролетарскими принципами... Такъ я понимаю, согласно теоріи историческаго матеріализма, борьбу за политическую власть. Эта борьба не имѣетъ цѣлью захватить мѣста, занятыя буржуазіей; она имѣетъ цѣлью опустошить буржуазный

политическій организмъ отъ всякаго жизненнаго содержанія и перевести все, что онъ имѣлъ полезнаго, въ политическій пролетарскій организмъ, создающійся по мѣрѣ развитія пролетаріата» («L'avenir socialiste des syndicats», с. 51).

Мы не будемъ вдаваться въ подробный разборъ этой теоріи. Достаточно указать, что подобное «опустошеніе» не представляетъ ничего страшнаго для буржуазіи. Передача указываемыхъ Сорелемъ функцій синдикатамъ вполнѣ совмѣстима съ существованіемъ буржуазнаго строя, ибо оставшіяся въ рукахъ государства «гнусныя функціи» охраны и наказанія въ достаточной мѣрѣ обезпечиваютъ буржуазіи ея господство. И только захватъ государственной власти,—захватъ, который, конечно, не мыслимъ безъ прямыхъ выступленій пролетаріата, но который не можетъ ограничиться одной подобной работой дезорганизаціи, положитъ конецъ этому господству.

Расходясь съ соціалъ-демократами во взглядахъ на задачи политической дѣятельности, синдикалисты расходятся съ ними также и въ вопросѣ о конечной цѣли. Синдикалисты противъ централизаціи производства, противъ государственнаго, какъ они выражаются, соціализма соціалъ-демократіи. Государство (правительство, парламентъ) является въ извѣстномъ смыслѣ центральнымъ органомъ современныхъ обществъ. Синдикалисты же обратно заключаютъ, что всякій центральный органъ—хотя бы онъ вѣдалъ только экономико-техническія стороны общественной жизни—носитъ уже государственный характеръ. Согласно ихъ теоріи задача вести производство переходитъ въ будущемъ строѣ къ синдикатамъ и союзамъ синдикатовъ, между которыми существуютъ федеративныя, договорныя отношенія. «Идеалъ рабочаго міра, пишетъ Лабріола,—это экономическое общество, организованное исключительно и просто въ видахъ матеріальнаго производства, въ которомъ отсутствуетъ всякая іерархія, не имѣющая чисто техническаго значенія, т. е. общество безъ государства, безъ тюремъ, арміи и законовъ, но не менѣе солидно и заботливо

организованное на базѣ экономической потребности, договорной связи и техническаго руководства производствомъ» («Рефор. и синдик.», с. 20). Эта договорная связь предполагаетъ, конечно, мѣновыя отношенія между отдѣльными синдикатами (или группами ихъ), и Лабріола это и принимаетъ въ главѣ объ «Идеалѣ Соціализма», гдѣ, между прочимъ, онъ дѣлаетъ странную попытку доказать, что Марксъ именно въ этомъ, анархистско-синдикалистскомъ, смыслѣ понималъ коммунистическій строй.

Такъ же опредѣленно высказывается и Леоне: «Синдикализмъ, не менѣе чѣмъ манчестерская (либерально-буржуазная) школа, выступаетъ противъ концепціи государственнаго веденія производства. Онъ считаетъ послѣднюю неосуществимой. Отсутствовали бы тѣ автоматическіе законы, которые только и дѣлаютъ возможнымъ развитіе экономическаго организма. Попытка воплотить ее въ жизнь должна была бы совершиться путемъ цѣлаго ряда мѣропріятій, суровыхъ понужденій, санкцій, авторитарныхъ воспитательныхъ мѣръ» («Синдикализмъ», с. 99).

«Автоматическіе законы», о которыхъ говоритъ здѣсь итальянскій писатель, это попросту законы свободной конкурренціи, и ихъ онъ противопоставляетъ «суровымъ понужденіямъ», т. е. требованію планомѣрной организаціи народнаго хозяйства, которая невозможна, конечно, безъ извѣстной общественной дисциплины. Какъ и обыкновенные либеральные экономисты, Леоне полагаетъ, что какъ только перестанетъ дѣйствовать жало конкурренціи, то все производство пойдетъ прахомъ: производители непремѣнно измѣнятся и только изъ подъ палки, только «путемъ цѣлаго ряда мѣропріятій», можно будетъ заставить ихъ что нибудь дѣлать.

Конкурренція и обмѣнъ между синдикатами—вотъ какъ рисуютъ себѣ идеалъ соціализма синдикалисты, вотъ къ чему сводится ихъ федерализмъ въ противоположность централизаціи соціалъ-демократовъ. Мы не будемъ здѣсь разбирать этихъ теорій, не будемъ лишній

разъ доказывать, что построенное на такихъ началахъ синдикалистское общество будущаго, развиваясь, должно непремѣнно повести къ новому общественному неравенству, къ новому дѣленію на богатыхъ и бѣдныхъ. Разборъ подобныхъ же теорій анархистовъ-коммунистовъ можно найти въ книжкѣ В. Базарова: «Анархическій коммунизмъ и марксизмъ» и въ брошюрѣ Станислава (А. Вольскаго): «Теорія и практика анархизма».

Но для избѣжанія недоразумѣній замѣтимъ, что соціалъ-демократическая централизація не исключаетъ огромной роли экономическихъ организацій производителей въ хозяйствѣ будущаго. Какъ мы ужъ говорили, мы не можемъ себѣ даже мало мальски отчетливо представить формы соціалистическаго строя. Но нѣтъ сомнѣнія, что при выработкѣ совмѣстно съ центральной властью плана производства и при проведеніи его въ жизнь, синдикаты и биржи труда—т. е. точнѣе, ихъ представители—будутъ имѣть первостепенное значеніе. Но понятно, съ соціалъ-демократической точки зрѣнія и рѣчи не можетъ быть объ обмѣнѣ и вообще о «договорныхъ» отношеніяхъ между этими организаціями, при которыхъ все общество могло бы попасть въ зависимость отъ какого нибудь могущественнаго синдиката.

Въ глазахъ синдикалистовъ синдикатъ призванъ замѣнить государство и стать основной хозяйственной единицей въ будущемъ строѣ. Но въ своей оцѣнкѣ значенія синдиката они идутъ дальше, видя въ немъ орудіе полнаго освобожденія пролетаріата. Уходя въ свои синдикаты и биржи труда, говорятъ они, рабочіе вырабатываютъ себѣ не только самостоятельныя организаціи, но и самостоятельныя понятія, свое собственное міровоззрѣніе. «Такимъ образомъ, онъ (пролетаріатъ) съ каждымъ днемъ все болѣе отдѣляется отъ буржуазнаго режима и мало по малу образуетъ рабочее государство въ государствѣ капиталистическомъ... Можно сказать, что рабочій классъ носитъ въ себѣ новаго человѣка не только въ смыслѣ *экономическомъ*, но и съ точки зрѣнія *моральной*» (Лагарделль, «Рев. синдик.», с. 11). Син-

дикатъ – выражаетъ ту же мысль Лабріола —превращается мало по малу въ цѣлостный органъ,—«органъ, охватывающій всю личность рабочаго, какъ *гражданина*, выполняющаго политическія функціи, какъ *экономическаго человѣка*, добывающаго прозаическій ежедневный хлѣбъ, какъ *индивидуума*, имѣющаго собственную личность, которую онъ въ практической жизни всячески старается обогащать познаніями и самосовершенствованіемъ» («Рефор. и синдик.». с. 202).

Развиваемая здѣсь синдикалистскими авторами мысль объ интеллектуальномъ и моральномъ—а не только экономическомъ—переворотѣ, который несетъ пролетаріатъ, не нова. Она является однимъ изъ основныхъ положеній научнаго соціализма. Но это одна изъ тѣхъ мыслей, о которыхъ не мѣшаетъ напоминать и надъ которыми полезно почаще задумываться. Бѣда лишь въ томъ, что синдикалисты плохо толкуютъ ее и дѣлаютъ изъ нея неправильные выводы. Они расширяютъ задачи синдиката на всю жизнь и дѣятельность рабочаго класса, не замѣчая, что тѣмъ самымъ суживаютъ размахъ пролетарскаго творчества. «Пролетаріатъ уходитъ въ свои синдикаты», «пролетаріатъ отдѣляется и отворачивается отъ буржуазнаго міра», «пролетаріатъ образуетъ государство въ государствѣ»—все это, переведенное на языкъ дѣйствительности будетъ означать лишь, что пролетаріатъ добровольно ограничиваетъ свой умственный и моральный горизонтъ. Пролетаріатъ, вѣдь, не только антагонистъ и противникъ капиталистическаго строя—онъ также и наслѣдникъ его. Въ буржуазной культурѣ, въ буржуазномъ просвѣщеніи, есть очень много нужнаго и цѣннаго для рабочаго класса. И все это пролетаріатъ долженъ взять,—очистивши, конечно, отъ разныхъ буржуазныхъ наростовъ и приспособивши къ своимъ нуждамъ. Общественная жизнь крайне разнообразна и сложна, и ее нельзя втиснуть въ рамки одной синдикальной дѣятельности. При подобномъ «втискиваніи» самое важное и цѣнное можетъ остаться за порогомъ синдиката. И здѣсь, какъ и въ рядѣ другихъ вопросовъ,

сказывается дуализмъ синдикалистскаго міровоззрѣнія, которое умѣетъ только «противоставлять», но не «связывать». Свободу пролетаріата синдикалисты противоставляютъ фатальности капитализма, политическое общество экономическому, демократію соціализму, и, наконецъ, какъ въ данномъ случаѣ, синдикальную жизнь всей соціальной жизни. На первый взглядъ все это звучитъ очень «революціоннымъ», «классовымъ» образомъ: рабочій классъ «противоставляется», «обособляется», «отдѣляется», «отрывается» и т. д. отъ буржуазнаго міра. Чего, кажется, лучшаго? Въ дѣйствительности же это обособленіе и отдѣленіе совершается насчетъ широты и правильности постановки задачъ рабочаго движенія [1]).

5.

Прямое дѣйствіе и всеобщая стачка.

«Непосредственное дѣйствіе»—вотъ удачно найденная, выразительная и ясная до совершенства формула, которая сжато передаетъ самую суть тактики революціоннаго синдикализма.

«Въ сущности *непосредственное дѣйствіе*—не новость: ново оно только, какъ теоретическая формула цѣлаго движенія, но безъ него не можетъ существовать синдикатъ.

«Какъ только синдикатъ образуется, такъ сейчасъ

---

[1]) «Нельзя пріобщаться къ жизни того общества, которое хочешь разрушить», говоритъ Лагарделль (см. сборникъ статей: «Соціал. движеніе въ современной Франціи», с. 72). Но разрушеніе разрушенію рознь. Тамъ, гдѣ все старое идетъ на сломъ, не можетъ быть, конечно, рѣчи о пріобщеніи. Но тамъ, гдѣ разрушается собственно не общество, не его движущія силы, а только стѣсняющія развитіе этихъ силъ преграды, уйти и отвернуться отъ жизни общества невозможно.

же входящіе въ него рабочіе, сознательно или безсознательно, стремятся дѣлать свое дѣло сами, вступать въ прямую борьбу, безъ посредниковъ, не надѣясь ни на кого, кромѣ самихъ себя въ рѣшеніи предстоящихъ задачъ. Логика вещей приводитъ ихъ къ *непосредственному дѣйствію*—т. е. къ дѣйствію исключительно силами синдиката...

«Итакъ, характерной чертой *непосредственнаго дѣйствія* является то, что оно выражаетъ мысль и волю рабочихъ, внезапныя или хорошо обдуманныя, но всегда помимо всякаго вліянія постороннихъ лицъ... Непосредственное дѣйствіе не является непремѣнно синонимомъ насилія; оно можетъ проявляться въ формахъ мягкихъ и мирныхъ, какъ и въ рѣзкихъ и въ насильственныхъ формахъ—не переставая быть и въ томъ и въ другомъ случаѣ *непосредственнымъ дѣйствіемъ*.

«Кромѣ того, характеръ его измѣняется въ зависимости отъ того, направлено ли оно преимущественно противъ капиталистовъ или противъ государства. Въ послѣднемъ случаѣ, непосредственное дѣйствіе облекается въ форму *давленія извнѣ*, тогда какъ обычнымъ орудіемъ противъ хозяина являются стачка, бойкотъ, лэбель, саботажъ» [1]).

Непосредственное дѣйствіе имѣетъ, какъ мы видимъ, у синдикалистовъ двоякій смыслъ. Какъ экономическая борьба пролетаріата оно выражается въ различныхъ формахъ стачки и бойкота. Но понятно, что *такое* непосредственное дѣйствіе не можетъ быть противоставляемо *посредственному*, т. е. парламентскому, дѣйствію, ибо это послѣднее совсѣмъ не имѣетъ своей задачей замѣнить борьбу рабочихъ съ отдѣльными капиталистами. Экономическая борьба является естественнымъ удѣломъ профессіональныхъ союзовъ. Занимаясь ею, слѣдуетъ только имѣть въ виду, чтобъ непосредственное дѣйствіе

---

[1]) Тотъ же сборникъ, статья Пуже объ «Организаціи и дѣятельности Конфедераціи Труда», с. 33.

въ этомъ смыслѣ было всегда «хорошо обдуманнымъ», а не «внезапнымъ», какъ это часто наблюдается у французскихъ синдикалистовъ, любящихъ добиваться экономическихъ улучшеній «на ура».

Но синдикализмъ не ограничивается одной профессіональной экономической борьбой; онъ ведетъ и соціальную работу: «не принимая прямого участія въ парламентской жизни, говоритъ тотъ же Пуже, онъ стремится тѣмъ не менѣе наложить узду на современное государство, уничтожить его, поглотить собой (с. 40). Вмѣсто борьбы внутри парламента онъ предлагаетъ тактику давленія извнѣ на парламентъ. Только такимъ путемъ, говорятъ синдикалисты, и можно добиться отъ правительствъ серьезныхъ улучшеній въ положеніи рабочаго класса. Одними же рѣчами депутатовъ не вырвать у буржуазіи никакихъ уступокъ.

Какъ на образецъ такихъ выступленій рабочаго класса, синдикалисты указываютъ на походъ противъ конторъ найма во Франціи, въ 1903—4 году. Парламентъ, цѣлыхъ двадцать лѣтъ не обращавшій вниманія на всякія петиціи и мирныя требованія рабочихъ, въ нѣсколько мѣсяцевъ уступилъ натиску пролетаріата [1]). Точно также примѣромъ непосредственнаго дѣйствія въ этомъ смыслѣ можетъ служить первомайское движеніе 1906 г., имѣвшее цѣлью введеніе захватнымъ порядкомъ—помимо обращенія къ законодательной машинѣ—восьмичасового рабочаго дня.

Синдикалисты, несомнѣнно, правы, когда подчеркиваютъ огромное значеніе иниціативы, самодѣятельности рабочихъ массъ и когда борятся съ ослѣпленіемъ тѣхъ соціалистовъ, которые разсчитываютъ рѣшить всѣ круп-

---

[1]) Надо, впрочемъ, замѣтить, что въ этой кампаніи противъ конторъ найма—на которую съ такой гордостью указываютъ синдикалисты—дѣло не обошлось безъ обращеній къ депутатамъ и министрамъ со стороны приверженцевъ прямого дѣйствія. См. Mouv. Social., 1905, Janvier, статья «Les deux conceptions du Syndicalisme» с.с. 37—38.

ные вопросы общественной жизни—вплоть до установленія коммунистическаго строя—одной игрой парламентскаго механизма, одной словесной борьбой парламентскихъ партій. Но это только частичная правота, только полу-правота, отъ которой еще далеко до полной замѣны парламентской борьбы внѣпарламентской. И опять таки нужно умѣть не противоставлять только, но и связывать. Насколько неправильно такое противоставленіе, видно изъ того, что мы имѣемъ цѣлый рядъ случаевъ, гдѣ пролетаріатъ самымъ энергичнымъ образомъ, въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, обращался къ «непосредственному дѣйствію» для завоеванія возможности «посредственнаго» дѣйствія, т. е. для введенія демократическаго парлементаризма. Самые извѣстные примѣры этого—Бельгія и Австрія, гдѣ путемъ безчисленныхъ манифестацій и демонстрацій, наконецъ, даже путемъ всеобщихъ стачекъ, рабочіе добивались всеобщаго избирательнаго права. Мы не говоримъ ужъ о Россіи, гдѣ три года тянется революція, имѣющая главной своей цѣлью установленіе парламентскаго режима. Но если эта борьба имѣетъ смыслъ,—а синдикалисты признаютъ необходимость борьбы за демократизацію въ отсталыхъ политическихъ странахъ—то странно было бы выпустить изъ рукъ оружіе парламентскаго дѣйствія въ тотъ самый моментъ, какъ его добились цѣной такихъ тяжкихъ лишеній и жертвъ.

Но связь между непосредственнымъ дѣйствіемъ и посредственнымъ еще глубже, чѣмъ на это указываютъ приведенные здѣсь примѣры. Въ непосредственномъ дѣйствіи, т. е. возстаніемъ, демонстраціями и пр.—можно побѣдить правящіе классы, но только благодаря посредственному дѣйствію можно использовать плоды этой побѣды. За войной—какой является всякое массовое выступленіе пролетаріата,—идетъ долгій періодъ мира, и нужно закрѣпить условіе этого мира въ какихъ-нибудь законодательныхъ формулахъ [1]). А это работа очень

[1]) Синдикалисты относятся—на словахъ—довольно прене-

сложная и тонкая, которая не можетъ быть рѣшаема массами, толпой, но только отдѣльными представителями ея. Власть буржуазіи опирается не на одну только физическую силу арміи, но и на тонкую, всеобъемлющую сѣть изъ разныхъ учрежденій, юридическихъ правилъ и пр. Можно преодолѣть физическое сопротивленіе буржуазныхъ правительствъ, но запутаться въ невидимой сѣти ея юридическаго крючкотворства. Поэтому, если парламентское дѣйствіе, не поддерживаемое внѣпарламентскимъ, безсильно, то послѣднее безъ перваго слѣпо [1]).

Непосредственное дѣйствіе (даже въ видѣ обыкновенной стачечной борьбы) синдикалисты считаютъ революціоннымъ методомъ борьбы въ отличіе отъ парламентскаго, которое держится въ рамкахъ законности. Эти революціонные акты—мелкіе и крупные—все учащаясь и усиливаясь, должны привести, наконецъ, къ послѣднему столкновенію между буржуазнымъ и рабочимъ міромъ, ко *всеобщей стачкѣ-освободительницѣ*, какъ выражаются синдикалисты. Всеобщая стачка—это, такъ сказать, начало и конецъ синдикалистской мудрости, это полное воплощеніе всѣхъ теорій синдикализма. Несмотря на общность имени, она существенно отличается отъ идеи всеобщей стачки, какъ ее приняли за послѣднее время соціалъ-демократы. Мы говоримъ «за послѣднее время», ибо соціалъ-демократія долго и упорно боролась съ анархистскими проповѣдниками всеобщей стачки, видѣвшими въ ней орудіе соціальной революціи, къ которому можно обратиться чуть ли не ежеминутно. Прак-

---

брежительно къ этой задачѣ. «Такъ какъ «законъ» стремится лишь усилить буржуазное государство... то въ Конфедераціи мало заботятся о томъ, чтобъ перевести въ тексты законовъ требованія рабочихъ» (P. Delesalle «La Confédération», с. 24).

[1]) Это, конечно, понимаютъ такіе теоретики, какъ Лабріола-Лагарделль и пр., которые и допускаютъ, какъ мы видѣли, существованіе соціалистической партіи, исполняющей порученія синдикатовъ.

тика заставила соціалъ-демократію измѣнить въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ свои взгляды на всеобщую стачку. И весьма любопытно, что практика эта исходила отъ самихъ же соціалъ-демократовъ, что они первые—въ борьбѣ за всеобщее избирательное право и пр.—прибѣгли къ этому новому методу дѣйствія. Особенно сильное вліяніе оказалъ въ этомъ вопросѣ опытъ русской революціи. Всеобщая стачка признана была однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ соціальной—экономической и политической—борьбы пролетаріата. Но во всеобщей стачкѣ не видятъ освободительницы, которую нужно ожидать въ любой моментъ, къ приходу которой нужно готовить пролетарскіе умы, и которая однимъ рѣшительнымъ ударомъ смететъ ненавистный буржуазный строй.

Но такъ именно смотрятъ на нее синдикалисты, относящіеся, въ свою очередь, отрицательно къ «политической» всеобщей стачкѣ соціалъ-демократовъ. Синдикалисты ожидаютъ ее такъ, какъ вѣрующіе ждутъ послѣдняго суда. Для иныхъ изъ нихъ—напримѣръ, для Сореля—даже не важно, возможна ли всеобщая стачка или нѣтъ, осуществится ли предвѣщаемая ею соціальная катастрофа или не осуществится. Съ ихъ точки зрѣнія важно лишь то, что рабочій классъ вѣритъ въ нее, какъ во что-то реальное, и что, проникаясь идеей всеобщей стачки, онъ все больше обособляется отъ буржуазнаго міра, все враждебнѣе становится къ нему. Идея всеобщей стачки разсматривается этими теоретиками, какъ символъ, какъ образъ всего синдикалистскаго ученія. Въ ней заключается отказъ отъ политической борьбы и захвата политической власти, полный разрывъ съ буржуазнымъ міромъ, тактика прямого дѣйствія въ самой рѣзкой ея формѣ, мысль о революціонномъ захватѣ мастерскихъ и орудій производства синдикатами и пр. Никакая другая идея, по ихъ словамъ, не выражаетъ въ такой сжатой формѣ всѣ стремленія и чаянія рабочаго класса, никакая другая не способна такъ воодушевить его. Чтобъ найти другой подобный примѣръ въ исторіи, синдикалисты обращаются къ пер-

вымъ вѣкамъ христіанства, когда вѣрующіе такъ горячо ожидали второго пришествія Христа. Христосъ не сошелъ сызнова на землю, но ожиданія первыхъ христіанъ не прошли даромъ. Безъ этой упорной вѣры, безъ этихъ страстныхъ порывовъ и ожиданій, не было бы того огромнаго переворота, который принесло съ собой христіанство, не было бы, можетъ быть, самаго христіанства. То же самое, говорятъ теоретики синдикализма, примѣнимо къ вопросу о соціальной революціи, принимающей въ головѣ (французскаго) пролетаріата форму всеобщей стачки. Соціальной катастрофы, можетъ быть, никогда и не будетъ, но мыслью о ней питается все рабочее движеніе—и постольку она имѣетъ ни съ чѣмъ несравнимую цѣнность.

Итакъ, теоретики ужъ не вѣрятъ собственно въ возможность всеобщей стачки. Сила же этой идеи въ томъ, что рабочій классъ въ нее еще сильно вѣритъ. Но что будетъ съ ней, если рабочіе въ своей массѣ проникнутся идеями Сореля—который ихъ, вѣдь, не скрываетъ—и поймутъ, что они жертвы такого же суевѣрія, какъ и первобытные христіане? Она должна немедленно потерять все свое значеніе, какъ и многія другія иллюзіи, которыми въ разное время питался рабочій классъ. Не слишкомъ ли много ставятъ синдикалисты на карту всеобщей стачки, когда ставятъ судьбы соціализма въ зависимость отъ огромнаго самообмана пролетаріата? Или, можетъ быть, они думаютъ, что иллюзія всеобщей стачки неистребима въ рабочемъ классѣ? Но опытъ рабочаго движенія въ разныхъ странахъ показываетъ совсѣмъ обратное.

Этой странной и бездоказательной теоріи Сорель даетъ пышное названіе теоріи соціальныхъ миѳовъ. Но если теорія странна, то, можетъ быть, менѣе странно ея появленіе, которое, по нашему мнѣнію, стоитъ въ связи съ перемѣнами во взглядахъ французскаго пролетаріата на всеобщую стачку. Эти взгляды—хотя и медленно—но становятся все болѣе трезвыми. Прежнія анархистскія увлеченія, когда рабочіе въ каждую ми-

нуту готовы были приступить къ «соціальной» (революціи), все больше отходятъ въ область преданія. Годы шли за годами, а всеобщая стачка-избавительница не показывалась. Мало-по-малу она была отложена на неопредѣленное будущее. Для настоящаго же времени обратились къ разнымъ формамъ прямого дѣйствія, т. е. непосредственной практической борьбы пролетаріата на почвѣ существующаго порядка. Отъ всеобщей стачки осталась такимъ образомъ только идея, только символъ, имѣющіе прежде всего воспитательное значеніе. Рабочія массы, конечно, не отказались еще отъ своего пониманія всеобщей стачки, онѣ еще вѣрятъ въ ея наступленіе. Сорель же, оставивъ въ сторонѣ вопросъ объ осуществимости всеобщей стачки, ухватился за воспитательную сторону этой идеи, построивъ на этой зыбкой почвѣ свою теорію миѳовъ, теорію освобождающаго самообмана.

6.

Синдикализмъ и интеллигенція.

Что такое интеллигенція? При отвѣтѣ на этотъ вопросъ синдикалисты—да, впрочемъ, не одни синдикалисты—смѣшиваютъ обыкновенно двѣ различныя вещи.

Во-первыхъ, «подъ этимъ выраженіемъ подразумѣваютъ всѣхъ людей, сколько нибудь культурно развитыхъ, получившихъ, напримѣръ, среднее или высшее образованіе, а прежде всего тѣхъ, которые занимаются свободными профессіями: адвокатовъ, судей, врачей, инженеровъ, профессоровъ, чиновниковъ, журналистовъ, писателей и т. д. Сюда же причисляютъ служащихъ въ конторахъ, наставниковъ, воспитателей и т. д., однимъ словомъ, всѣхъ тѣхъ, практическая дѣятельность которыхъ исключительно мозгового характера; въ этомъ именно смыслѣ выраженіе *умственный* противопоставляется выраженіе *физическій*» (Лагарделль, «Револ. синдикализмъ», с. 13).

Согласно этому описанію, интеллигенты это представители умственнаго труда, въ противоположность рабочимъ, представителямъ труда физическаго. Таковъ первый смыслъ слова «интеллигенція».

Но у того же Лагарделля, черезъ двѣ страницы послѣ приведеннаго нами отрывка, мы находимъ совсѣмъ иное опредѣленіе интеллигенціи. Указавъ на разнородность группъ, изъ которыхъ составляется интеллигенція (врачи, адвокаты, инженеры, писатели и пр.), Лагарделль продолжаетъ:

«Они (интеллигенты) не образуютъ одного цѣлаго, у нихъ не можетъ быть общей, въ строгомъ смыслѣ этого слова, борьбы. Они не составляютъ класса *для себя*; они только существуютъ для другихъ классовъ. Не живя однородной жизнью, не имѣя собственной идеологіи, они защищаютъ интересы и идеи тѣхъ классовъ, къ которымъ они себя причисляютъ. Такимъ образомъ, интеллигенты играютъ роль только пособниковъ: они являются тѣмъ, что Марксъ называетъ *идеологическими представителями* классовъ, съ которыми они слились. Разсѣянные по различнымъ соціальнымъ слоямъ, служа имъ и заимствуя ихъ концепціи, развѣ могутъ они быть связанными между собой узами дѣйствительной солидарности»? (с. 16).

Здѣсь первый, *соціальный*, если можно такъ выразиться, смыслъ слова «интеллигенція» подмѣненъ болѣе узкимъ, *политическимъ*, его значеніемъ. Если прежде шла рѣчь объ умственныхъ работникахъ *вообще*, то теперь Лагарделль имѣетъ въ виду *опредѣленную разновидность* ихъ—политиковъ, журналистовъ, ораторовъ—словомъ всѣхъ тѣхъ, кто является идеологическими представителями различныхъ классовъ. Лагардель, конечно, правъ, когда говоритъ, что умственные работники не образуютъ единаго цѣлаго, съ однородными интересами, единаго класса, связаннаго узами настоящей солидарности. Упираясь однимъ своимъ концомъ въ буржуазію (преуспѣвающіе инженеры, адвокаты, врачи и пр.), умственные работники на другомъ концѣ сливаются съ

представителями физическаго труда (плохо оплачиваемые химики, инженеры, учителя, писцы и пр.). Интеллигенція въ этомъ смыслѣ слова довольно пестрая соціальная группа, напоминающая отчасти своей пестротой и разнородностью составъ крестьянства или мелкую городскую буржуазію (изъ рядовъ которой она обыкновенно и выходитъ). Въ виду этой своей разношерстности она разными своими частями льнетъ къ разнымъ настоящимъ, крѣпкимъ классамъ. Но изъ этого промежуточнаго положенія интеллигенціи вовсе не слѣдуетъ, что она является идеологическимъ представителемъ различныхъ классовъ. Развѣ, вообще говоря, врачи, инженеры, адвокаты и пр. представляютъ какіе нибудь классы, защищаютъ чьи нибудь классовые интересы? Разумѣется нѣтъ. Они защищаютъ свои собственные групповые, профессіональные интересы, они представляютъ себя самихъ,—и только. Конечно, и врачи, и адвокаты, и химики, могутъ явиться идеологами, представителями того или иного класса, но въ этомъ случаѣ они выступаютъ не какъ врачи и не какъ химики, а какъ извѣстные общественные, политическіе дѣятели. Для этой послѣдней роли имъ не нужно быть врачами или адвокатами: эти спеціальности здѣсь не при чемъ; имъ нужно только умѣть владѣть тонкимъ оружіемъ современной общественной борьбы,—устнымъ или печатнымъ словомъ. Люди, владѣющіе словомъ—писатели по политическимъ вопросамъ, ораторы, политическіе дѣятели и пр.—и есть интеллигенты въ узкомъ смыслѣ слова, въ смыслѣ идеологовъ различныхъ борющихся классовъ. Только съ этой точки зрѣнія имѣютъ какой нибудь смыслъ восхищающія синдикалистовъ слова Сореля, что «истинное призваніе интеллигентовъ есть эксплоатація политики» (L'avenir socialiste des syndicats», с. 23). Интеллигентовъ, надо здѣсь читать, какъ идеологовъ разныхъ классовъ, а не интеллигентовъ, какъ представителей умственнаго труда вообще. Между тѣмъ Сорель—какъ и заимствовавшій отъ него всю свою теорію Лагар-

делль—самымъ спокойнымъ образомъ смѣшиваютъ оба эти понятія.

Ту же путаницу мы наблюдаемъ въ вопросѣ объ отношеніи между интеллигенціей и пролетаріатомъ. Болѣе или менѣе ясно только одно, что интеллигенція имѣетъ пагубное вліяніе на судьбы рабочаго движенія. По взглядамъ Сореля, пролетарская революція нанесетъ сильный ударъ профессіональнымъ интересамъ интеллигенціи. Въ будущемъ строѣ, разсуждаетъ онъ, останется совсѣмъ мало простора для излюбленныхъ интеллигентскихъ профессій: юристамъ, вѣроятно, тамъ вообще нечего будетъ дѣлать; число врачей, благодаря прогрессу науки и улучшенію санитарныхъ и гигіеническихъ условій, на много сократится; уменьшится, несомнѣнно, и число техниковъ, инженеровъ и пр. «Такимъ образомъ, говоритъ Сорель, соціализація средствъ производства выразится для интеллигентовъ въ чудовищномъ локаутѣ: врядъ ли можно допустить, чтобъ они не сознавали такой очевидной истины» (с. 21). Понятно, поэтому, ихъ тяготѣніе къ мелкой буржуазіи и ихъ стремленіе увлечь соціалистическое движеніе въ благопріятную для нихъ сторону.

Изъ этой теоріи слѣдуетъ, повидимому, что интеллигенція должна быть враждебна соціализаціи производства и, значитъ, соціализму. Но такъ какъ синдикалисты подъ интеллигенціей понимаютъ кромѣ того группу лицъ, занимающихся спеціально политикой, то въ другихъ случаяхъ они приходятъ къ инымъ выводамъ. Интеллигенты, какъ политиканы, оказывается, заинтересованы въ ростѣ государственной власти, обезпечивающей имъ различныя мѣста; ихъ стремленія носятъ по существу бюрократическій характеръ; ихъ идеаломъ является государственный соціализмъ.

Исключительное пристрастіе къ политической дѣятельности, оппортунизмъ и государственный соціализмъ—таковы черты, отличающія, по мнѣнію синдикалистовъ, интеллигенцію. Эти черты, какъ мы видѣли, синдикалисты приписываютъ и соціалистическимъ партіямъ. Это

совпаденіе не случайность, а объясняется самимъ характеромъ и составомъ соціалистическихъ партій, которыя, по словамъ сторонниковъ синдикализма, если и не состоятъ въ своемъ цѣломъ изъ интеллигентовъ, то имѣютъ ихъ во всѣхъ своихъ руководящихъ органахъ. Интеллигентскому соціализму партій синдикалисты и противоставляютъ свой, рабочій соціализмъ—аполитическій, революціонный и антигосударственный.

Разберемъ вкратцѣ эту теорію. Разсмотримъ сперва, какое вліяніе можетъ оказать на рабочее движеніе интеллигенція, понимаемая въ смыслѣ умственныхъ работниковъ. Извѣстно, что съ каждымъ днемъ растетъ число людей, избирающихъ профессіи врачей, инженеровъ и пр. Во всѣхъ странахъ наблюдается теперь, какъ выражаются, «перепроизводство» интеллигенціи, перепроизводство, ведущее къ тому, что ея трудъ все болѣе обезцѣнивается. Положеніе интеллигентовъ съ матеріальной стороны во многомъ становится похожимъ на пролетарское положеніе. Этимъ объясняется тяготѣніе многочисленныхъ слоевъ интеллигенціи къ соціализму, въ которомъ они, какъ и прочіе обездоленные теперешняго строя, готовы видѣть своего избавителя. Становясь на точку зрѣнія пролетаріата, принося ему свое сотрудничество, интеллигенція, конечно, не можетъ вполнѣ порвать съ своимъ соціальнымъ положеніемъ: ея связи съ буржуазіей, откуда она происходитъ, и образъ жизни, которой она принимаетъ, постоянно даютъ себя знать въ различныхъ оппортунистическихъ попыткахъ сдѣлать пролетаріатъ сговорчивѣе, смягчить остроту классовой борьбы и пр. Въ этомъ отношеніи сотрудничество интеллигенціи не безопасно,—но точно такъ же, какъ небезопасно сотрудничество вообще мелкобуржуазныхъ элементовъ, подъ давленіемъ нужды переходящихъ въ рядыъ соціалистовъ. Для растущаго рабочаго движенія, какъ мы ужъ говорили, нѣтъ возможности уклониться отъ этой близости мелкобуржуазныхъ слоевъ,—да оно даже и нежелательно, ибо врядъ ли пролетаріатъ сумѣетъ единолично произвести соціальный переворотъ. Практика

французскаго синдикальнаго движенія вполнѣ убѣдительно доказываетъ эту невозможность отгородиться отъ гибнущихъ мелкобуржуазныхъ группъ, опровергая такимъ образомъ всѣ теоріи синдикалистовъ. Что такое синдикаты учителей, чиновниковъ и пр., какъ не организаціи интеллигентнаго пролетаріата? Кто можетъ поручиться, что за учителями и чиновниками не пойдутъ—съ ростомъ синдикализма—союзы плохо устроившихся (а такихъ не мало) врачей, химиковъ, инженеровъ, которые станутъ возлагать свои надежды на силу Всеобщей Конференціи Труда? Не запретятъ же имъ, въ самомъ дѣлѣ, синдикалисты доступъ въ свои организаціи.

Факты неопровержимо показываютъ, что въ исторіи рабочаго движенія возможно одно изъ двухъ: либо ростъ его и ростъ его соціальнаго вліянія — и тогда неизбѣженъ притокъ къ нему не чисто пролетарскихъ элементовъ, а въ томъ числѣ и интеллигенціи; либо отсутствіе такого широкаго вліянія: тогда для рабочаго движенія, дѣйствительно, нѣтъ опасности отъ сотрудничества съ мелкобуржуазными и интеллигентскими элементами, но тогда и само оно не опасно для цѣлости капиталистическаго строя. Врядъ ли могутъ быть особенныя колебанія насчетъ того, какой случай выгоднѣе для пролетарскаго движенія [1]).

---

[1]) Что касается теоріи Сореля о «локаутѣ» интеллигенціи при пролетарской революціи, то надо замѣтить слѣдующее. Во-первыхъ, этотъ локаутъ не будетъ носить такого всеобщаго характера, какъ представляетъ Сорель; если въ однихъ либеральныхъ профессіяхъ произойдетъ сокращеніе работы (юристы, вѣроятно, врачи и пр.), то въ другихъ, наоборотъ, должно произойти увеличеніе ея (учителя, вѣроятно, ученики и пр.). Во-вторыхъ—и это соображеніе важнѣе—такъ какъ интеллигенція не классъ, то ея значеніе не нужно расцѣнивать съ точки зрѣнія ея самостоятельнаго идеала будущаго строя. Есть не мало группъ рабочихъ, непосредственные интересы которыхъ рѣзко расходятся съ соціалистическимъ идеаломъ; таковы рабочіе, занятые въ

По вопросу объ интеллигенціи въ узкомъ смыслѣ слова надо замѣтить слѣдующее. Широкая общественная дѣятельность, затрагивающая всѣ важнѣйшіе вопросы соціальной жизни, требуетъ массы интеллигентныхъ спеціалистовъ: теоретиковъ, литераторовъ, ораторовъ, политиковъ, организаторовъ и пр. По самому роду своихъ занятій, которыя не всякому подъ силу и которыя иногда даже не доступны пониманію широкихъ массъ, эти партійные интеллигенты склонны образовывать отдѣльную группу, своего рода генеральный штабъ съ рабочимъ классомъ въ видѣ арміи. Въ этомъ опять таки есть своя опасность. Но устранить ее нужно не тѣмъ, чтобы упростить и сузить задачи пролетарскаго дѣйствія — эта узость и простота возможны лишь на первыхъ ступеняхъ рабочаго движенія,—а тѣмъ, чтобъ поднять сознательность и вообще культурный уровень пролетаріата. При уменьшеніи духовнаго разстоянія между рабочими массами и ихъ руководителями—интеллигентами [1]), облегчается контроль рабочихъ надъ своими представителями и, кромѣ того, затрудняется образованіе особаго корпоративнаго интеллигентскаго духа на верхахъ партіи. А это и есть самое важное. Бѣда не въ томъ, что рабочему движенію нужны интеллигенты—спеціалисты, а въ томъ, что при низкомъ уровнѣ развитія рабочихъ массъ, при отсутствіи въ нихъ сильнаго духа самодѣятельности, интеллигенты могутъ отъ

отрасляхъ промышленности, поставляющихъ военные матеріалы. Однако и этихъ рабочихъ развитіе капитализма, порождающее необезпеченность существованія и пр., заставляетъ принять принципы соціализма. Тоже можно сказать о тѣхъ слояхъ интеллигенціи, профессіи которыхъ соціальная революція несетъ гибель.

[1]) Употребляя здѣсь слово «интеллигентъ», мы имѣемъ въ виду не происхожденіе работника, а его положеніе. Въ этомъ смыслѣ бывшій рабочій Бебель такой же интеллигентъ, какъ происходившій изъ буржуазіи Либкнехтъ.

нихъ оторваться и составить какъ бы особую касту. Въ синдикальномъ движеніи, пока оно не выходитъ изъ сферы чисто профессіональныхъ вопросовъ, опасность этого значительно слабѣе; но она сейчасъ же появляется, когда движеніе принимаетъ общенаціональный характеръ и на сцену выступаютъ сложные и запутанные вопросы политической жизни [1]).

Интеллигентская опасность, какъ и мелкобуржуазная опасность и пр.—это болѣзнь *роста* рабочаго движенія; и только при дальнѣйшемъ непрерывномъ ростѣ его она можетъ быть преодолѣна.

7.

Практика революціоннаго синдикализма.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о практикѣ революціоннаго синдикализма. При этомъ придется фактически ограничиться одной только Франціей, ибо въ другихъ странахъ практическое значеніе синдикализма не велико, а мѣстами просто ничтожно.

Французскій синдикализмъ въ его современной формѣ есть продуктъ очень сложной и запутанной исторіи французскаго профессіональнаго движенія. Во Франціи профессіональное движеніе никогда не отличалось такой силой, какую мы можемъ наблюдать въ Англіи, Германіи, Соединенныхъ Штатахъ и другихъ странахъ крупнаго капитализма. Это объясняется отчасти слабымъ развитіемъ крупной промышленности, отчасти неоднократными революціями, отвлекавшими силы пролетаріата преимущественно въ политическую сторону, отчасти особенностями французскаго рабочаго, мало склоннаго къ повседневной упорной работѣ, требуемой экономическимъ строительствомъ и пр. Но каковы бы ни

---

[1]) Фактически это ужъ наблюдается въ синдикализмѣ и отмѣчается даже самими синдикалистами.

были причины этого, фактъ тотъ, что профессіональное движеніе развивалось зигзагообразно и крайне медленно и что въ серьезныхъ размѣрахъ оно начинается лишь послѣ пораженія Коммуны, въ началѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія.

Первые годы—въ эпоху самой свирѣпой реакціи—это движеніе было очень умѣреннаго, узко профессіональнаго характера. Но мало-по-малу, съ ослабленіемъ реакціи, началась пропаганда соціализма среди рабочихъ. Въ концѣ 70-хъ годовъ основалась французская рабочая партія, идеи которой очень быстро проникли въ синдикальную среду. Профессіональное движеніе продолжало расти, особенно со времени изданія закона 1884 г., которымъ впервые во Франціи была установлена свобода профессіональной организаціи. Продолжала расти и соціалистическая партія, которая, однако, раскололась на цѣлый рядъ враждебныхъ между собой партій, втягивавшихъ въ свои раздоры и синдикаты. Мы не можемъ здѣсь подробнѣе останавливаться на исторіи отношеній между партіями (соціалистическими) и синдикатами. Фактъ тотъ, что къ серединѣ девяностыхъ годовъ соціалистическое движеніе и профессіональное разошлись между собой. Между прочимъ, одной изъ причинъ (или однимъ изъ поводовъ) къ разрыву послужилъ вопросъ о всеобщей стачкѣ, которую приняли синдикалисты и къ которой самымъ отрицательнымъ образомъ отнеслись гэдисты (французскіе марксисты).

Исторія синдикальнаго движенія послѣ этого разрыва продолжаетъ еще нѣкоторое время быть довольно запутанной: синдикатами какъ бы нащупываются различныя формы организаціи, которыя то объединяются, то борются между собой, то развиваются, то увядаютъ. Только съ 1900 года начинаютъ опредѣленнѣе вырисовываться формы синдикальной организаціи, какъ онѣ существуютъ теперь; Всеобщая Конфедерація Труда начинаетъ подчинять себѣ соперничающія съ ней организаціи (Федерація Биржъ и Федерація Синдикатовъ).

Послѣдующіе годы привели, наконецъ, къ полной побѣдѣ Всеобщей Конфедераціи и положенныхъ въ ея основаніе идей.

Основной единицей, изъ которой складывается Всеобщая Конфедерація Труда, является синдикатъ. Но онъ связанъ съ Конфедераціей не прямо, а посредственно, черезъ двѣ промежуточныя организаціи: Биржи Труда и Національныя Федераціи. Каждый синдикатъ, примыкающій къ Конфедераціи, долженъ входить съ одной стороны въ соотвѣтствующую національную федерацію, а съ другой въ мѣстный союзъ (биржу) синдикатовъ. Благодаря этой двоякой связи, объясняютъ синдикалисты, образуется и развивается классовое самосознаніе протетаріата: биржи труда отрываютъ рабочаго отъ исключительно корпоративнаго духа его синдиката; національныя же федераціи расширяютъ его кругозоръ, не даютъ ему замыкаться въ сферу чисто мѣстныхъ интересовъ. Но, конечно, биржи труда и національныя федераціи не ограничиваются однѣми этими задачами воспитательнаго характера: биржи труда организуютъ помощь безработнымъ, являются посредниками при отысканіи мѣста, организуютъ подорожную помощь, профессіональные курсы, даютъ юридическіе совѣты и пр., національныя федераціи служатъ, главнымъ образомъ, для борьбы съ капиталистами. Въ пользу биржъ и федерацій синдикатами производятся взносы за своихъ членовъ. Эти взносы крайне ничтожны: для биржъ можно считать ихъ въ нѣсколько копѣекъ въ годъ съ каждаго члена, для федерацій—въ нѣсколько десятковъ копеекъ, даже до рубля и больше. Биржи труда поэтому вынуждены прибѣгать къ помощи городскихъ самоуправленій, помощи, которая ставитъ ихъ, конечно, въ извѣстную зависимость отъ нихъ.

Всеобщая Конфедерація заключаетъ въ себѣ двѣ секціи: секцію Биржъ Труда и секцію Національныхъ Федерацій, состоящія изъ делегатовъ соотвѣтствующихъ организацій. Обѣ эти секціи имѣютъ каждая свой особый автономный комитетъ; делегаты секцій, собираясь

въ извѣстные сроки вмѣстѣ, образуютъ Конфедеральный Комитетъ. Въ пользу Конфедераціи производятся извѣстныя отчисленія: въ секціи Федераціи 16 коп. съ каждой сотни членовъ; въ секціи Биржъ—14 коп. съ каждаго синдиката. При Конфедераціи выходитъ еженедѣльный органъ «La Voix du Peuple» (Голосъ Народа), имѣющій теперь тиражъ около 7.000 экз. Каждые два года созывается Конфедераціей Національный Конгрессъ, на которомъ правомъ рѣшающаго голоса пользуются только синдикаты. Каждый синдикатъ имѣетъ одинъ голосъ, независимо отъ числа членовъ его.

Таково строеніе Конфедераціи. Какова же представляемая ею сила? По расчетамъ Пуже изъ 5.000 синдикатовъ, существующихъ во Франціи, во Всеобщую Конфедерацію входятъ 3.700, т. е. $^3/_4$ всего количества ихъ (75%). Это составляетъ, дѣйствительно, большой процентъ. Но гораздо неблагопріятнѣе отношеніе съ точки зрѣнія числа членовъ: на 700—800 тысячъ всѣхъ синдикированныхъ рабочихъ, насчитываемыхъ французской статистикой, на долю Конфедераціи приходится около 300.000, т. е. не болѣе 40%. Если сравнить это съ числомъ синдикатовъ, то напрашивается выводъ, что во Всеобщую Конфедерацію идутъ синдикаты помельче, въ то время какъ болѣе крупныя организаціи остаются внѣ ея рамокъ.

300.000 членовъ это, конечно, не мало, особенно если сравнить это число съ 40.000 членовъ французской соціалистической партіи. Но это и не особенно много, если принять въ расчетъ всю массу французскаго пролетаріата. Какъ ни растетъ за послѣдніе годы профессіональное движеніе во Франціи, но оно въ своихъ организаціяхъ охватываетъ не больше 9—10% рабочихъ, т. е. гораздо меньшій процентъ, чѣмъ въ другихъ странахъ (въ Германіи 18% всего рабочаго населенія, въ Бельгіи—20%, въ Соедин. Штатахъ—30% и т. д.). Конфедерація же охватываетъ еще меньшую долю, всего около 4% французскаго пролетаріата. По увѣреніямъ синдикалистовъ въ ней сосредоточена

за то наиболѣе энергичная и боевая часть рабочаго класса; но если и допустить это, все-таки кадры синдикалистской арміи слишкомъ не велики. Не даромъ среди революціонныхъ синдикалистовъ распространены теоріи объ управленіи рабочаго класса отборнымъ меньшинствомъ.

Слабость французскаго профессіональнаго движенія сказывается еще въ раздробленности его [1]) и въ не любви французскихъ рабочихъ къ правильнымъ и достаточно высокимъ взносамъ. Эту послѣднію черту синдикалисты стараются даже возвести въ своего рода добродѣтель. «Французскія организаціи, пишетъ Пуже, не претендуютъ на то, чтобы бороться противъ мощи капитала посредствомъ набитыхъ золотомъ сундуковъ; поэтому, считаясь съ необходимостью поддерживать стачку деньгами, онѣ не возлагаютъ всѣ свои надежды на состояніе кассы» (Цитир. сборникъ, с. 18). Имъ, дѣйствительно, нечего возлагать этихъ надеждъ, ибо кассы обыкновенно пусты. «Изъ 902 вспыхнувшихъ въ 1900 г. стачекъ 552 охватывали синдикованныхъ рабочихъ, а между тѣмъ стачечникамъ только 42-хъ стачекъ выдавалась правильная помощь; въ 1901 г. изъ 523 стачекъ 363 исходили отъ синдикованныхъ и только въ 23 изъ нихъ оказывалась регулярная помощь стачечникамъ; въ 1902 году соотвѣтствующія цифры были: 512, 304 и 31 въ 1903 г.—567, 516 и 60; въ 1904 г.—1026, 770 и 39, въ 1905 г. — 830, 677 и 56 (Поль Луи, «Исторія

---

[1]) Вотъ примѣръ характеризующій, какъ выражается Зомбартъ «пристрастіе къ сектантству» французскихъ рабочихъ: «въ одномъ Парижѣ существуетъ шесть профессіон. союзовъ басонщиковъ, девять союзовъ лимонадщиковъ, девятнадцать союзовъ маляровъ, двѣнадцать союзовъ каменщиковъ и штукатуровъ, шесть союзовъ слесарей, девять союзовъ рабочихъ, служащихъ при уличныхъ конкахъ и омнибусахъ, семнадцать союзовъ наборщиковъ, девять союзовъ булочниковъ и шесть союзовъ газовщиковъ» (Зомбартъ, «Соціализмъ и Соціальное движеніе», изд. Суворина, с. 288).

Синдик. движенія во Франціи», изд. «Освобожденіе Труда», 117). Деньги обыкновенно собираются во время стачекъ черезъ подписные листы, или, какъ говоритъ опять таки Пуже, «денежная поддержка во время стачки является въ большинствѣ случаевъ дѣломъ личнаго начала и солидарности». При такихъ условіяхъ понятно, что французскія стачки могутъ вестись съ большимъ подъемомъ въ началѣ, но безъ настойчиваго упорства довести дѣло до желаннаго конца.

Мы уже говорили выше о ничтожныхъ доходахъ Биржъ Труда, играющихъ такую огромную роль въ синдикалистскомъ движеніи, и о вытекающей отсюда ихъ зависимости отъ городскихъ самоуправленій. Нѣкоторыя цыфры покажутъ значеніе получаемыхъ ими субсидій. «Къ 1 января 1905 г. муниципалитетами разныхъ городовъ, считая и Парижъ, ассигновавшій 2.872.379 франковъ (около 1.100.000 руб.), было израсходовано на устройство помѣщеній для Биржъ Труда 3.334.217 фр. Ліонъ выдалъ 35.524 фр., Лиможъ—1.600, Соморъ—500 и Лоріанъ—300 фр. Годовыя субсидіи составляютъ въ общемъ, не считая Парижа, 253.980 фр. Биржа въ Марселѣ получаетъ 11.500 фр., въ С. Кентенѣ—6.600 фр. (П. Луи, с. 141) и т. д. до самыхъ мелкихъ городовъ и мелкихъ суммъ. Впрочемъ, синдикалисты сами начинаютъ чувствовать всѣ неудобства и унизительность подобной зависимости и стараются освободиться отъ нея.

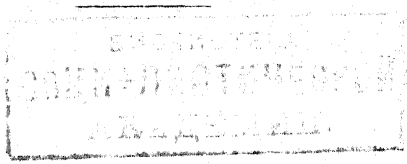
Что касается практическихъ выступленій синдикалистовъ, то послѣдніе 3—4 года были ознаменованы нѣсколькими случаями примѣненія тактики «прямого дѣйствія». Первый удавшійся опытъ его была компанія противъ конторъ найма въ 1903 — 4 году. Ободренный этимъ успѣхомъ Буржскій конгрессъ (1904 г.) вотировалъ резолюцію о введеніи съ 1 мая 1906 г. захватнымъ порядкомъ восьмичасового рабочаго дня. Пріуроченной къ этой датѣ всеобщей стачкѣ предшествовала самая широкая агитація въ пользу буржской резолюціи. Въ маѣ 1906 г. по всей Франціи, дѣйствительно, разлилась

огромная волна стачекъ, захватившихъ самыя различныя отрасли промышленности. Стачки эти велись довольно безпорядочнымъ образомъ: кончались однѣ, начинались другія; въ однихъ случаяхъ выставлялось требованіе 8 часового дня, въ другихъ девятичасового, и пр. Это было чисто стихійное движеніе, безъ единства дѣйствій и плана. Въ смыслѣ матеріальномъ оно дало немного. Но произведенное имъ моральное дѣйствіе было огромно. На буржуазію движеніе это навело неиспытанный ею еще со временъ Коммуны ужасъ. Подъ вліяніемъ этой «великой паники» (la grande frousse—какъ это прозвали французы) правительство наводнило войсками Парижъ, произвело избіеніе манифестантовъ, учинило цѣлый рядъ произвольныхъ арестовъ среди руководителей Конфедераціи и пр. Первомайскому же движенію нужно приписать то, что правительство черезъ нѣсколько недѣль внесло въ палату законопроектъ объ уменьшеніи максимальной величины рабочаго дня съ 12 до 10 часовъ.

Первомайское движеніе этого года было слабое, но правительство попрежнему сдѣлало всѣ нужныя военныя приготовленія, разбило Парижъ на извѣстные военные округа для борьбы съ внутреннимъ врагомъ и т. д. Но и помимо перваго мая Конфедерація не переставала причинять хлопоты правительству то своей антимилитаристской пропагандой, то борьбой за синдикальныя права учителей и вообще чиновниковъ, то манифестаціями противъ хозяевъ, нарушающихъ законъ объ обязательномъ еженедѣльномъ отдыхѣ и пр. Весной этого года вся внутренняя жизнь Франціи какъ бы свелась къ поединку между Всеобщей Конфедераціей Труда и правительствомъ, пока не выступило на сцену грозное возстаніе виноградарей юга, на нѣсколько недѣль приковавшее къ себѣ вниманіе всей Франціи, да и всего міра.

Всеобщая Конфедерація Труда выросла, такимъ образомъ, въ большую соціальную силу французской жизни.

Это показываетъ, какой благодарный революціонный матеріалъ представляетъ собой французскій пролетаріатъ. Но надолго ли хватитъ этой революціонной энергіи, если матеріальная основа движенія и впредь будетъ оставаться такой же шаткой и зыбкой, какъ теперь?

ЛЕКЦІИ И РЕФЕРАТЫ

по вопросамъ программы и тактики соціаль-демократіи.

Вып. I. *Н. Рожковъ.* Капитализмъ и соціализмъ. Ц. 10 к.
„ II. *А. Голубковъ.* Утопическій и научный соціализмъ. Ц. 10 к.
„ III. *М. Покровскій.* Экономическій матеріализмъ. Ц. 10 к.
„ IV. *Петръ Ал.* Наша программа (программа maximum и minimum Р. С. Д. Р. П.) Ц. 8 к.
„ V. *Н. Рожковъ.* Аграрный вопросъ въ Россіи. Ц. 12 к.
„ IV. *Н. Батуринъ.* Очеркъ исторіи соціаль-демократіи въ Россіи. Ц. 25 к.
„ VII. *М. М.* Буржуазія и пролетаріатъ въ революціяхъ 1830—1848 гг. во Франціи. Ц. 20 к.
„ VIII. *И. Херасковъ.* Буржуазныя революціи и крестьянство. Ц. 15 к.
„ IX. *Станиславъ* (*А. Вольскій*). Теорія и практика анархизма. Ц. 20 к.
„ X. *К. Левинъ.* Политическія партіи въ Россіи. Съ предисловіемъ *М. Покровскаго.* Ц. 20 к.
„ XI. *П. Румянцевъ.* Тактика С—діи. (печатается).
„ XII. *П. Юшкевичъ.* Теорія и практика синдикализма. Ц. 20 к.

Книгопродавцамъ обычная уступка

Съ требованіями обращаться въ книжн. складъ „*ЗЕРНО*“
С.-Петербургъ, Невскій 110.